

МБИ: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>

Форум: БИОГРАФИКА, СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Протокол № 2-3

БИОГРАФИЯ И БИОКРИТИКА

Содержание части 2:

МБИ Форум 2.1

- I. Биография и биокритика: острые вопросы и фундаментальные проблемы (включение 1)
- II. Спор разгорается (включения 2 – 5)
- III. О членстве в КПСС и о перспективах герменевтики (включения 6 – 7)
- III. Том Сойер, который красил забор (включения 8 – 19)
- V. «Приветствую идею сетевого колледжа... Буду следить с удовольствием» (В. Ядов) (включения 20 – 21)
- VI. Б. Докторов: Оглядываясь назад и заглядывая вперед (включения 22 – 22а)
- VII. Расширение круга. Уточнение формата дискуссии (23 – 30)

МБИ Форум 2.2

- VIII. Обсуждаются методологические и этические проблемы биографических исследований и познания через действие (включения 31 – 32)
- IX. Текущая переписка. Отклики (33 – 38)
- X. Диалог Д. Шалина и Н. Мазлумяновой (39 – 40)
- XI. Всех послушав, пусть каждый делает СВОЕ дело (41 – 48)
- XII. Диалог Д. Шалина и А. Алексеева: новый виток (включение 49)
- XIII. Б. Фирсов – наблюдатель и участник. О композиции МБИ-форума (55 – 55)
- XIV. «Незримый колледж»: новые поступления и расширение круга (56 – 57)

XV. Респондент прав не только тогда, когда он говорит, но и тогда, когда он молчит (включение 58)

XVI. Наша дискуссия – это личностное знание, в смысле М. Полани (59 – 73)

XVII. «Биографика, социология и история» (74-79)

XVIII. Всем – урок на будущее (80-88)

МБИ Форум 2.3

XIX. Обращение к участникам МБИ Форума (89)

XX. «Наши разногласия» – Шляпентох о членстве в КПСС (90)

XXI. Реплика Ядова (91)

XXII. «Нет истины, где нет любви» – ответ Доктора Шляпентоху (92)

XXIII. Из переписки Дмитриевского и Шалина (93)

XXIV. О письмах Игоря Кона (94)

XXV. К 85-летию Владимира Шляпентоха (95)

XXVI. Из переписки Алексеева и Дмитриевского (96)

XXVII. «Художник и власть в искусстве эпохи надлома империи» – В.Н. Дмитриевский (97)

XXVIII. «Игорь Кон: Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 году...» – Б. Докторов (98)

XXIX. Из переписки Шалина и Алексеева (99)

XXVIII. Отклики на статью Доктора о Конне (100)

XXXI. Еще – поздравления Шляпентоху (101)

XIX. Обращение к участникам МБИ Форума

12.10.2011

Включение 89.

Привет участникам МБИ Форума!

К настоящему времени на сайте “Международная биографическая инициатива” опубликованы три серии материалов МБИ-форума.

[МБИ-форум 1.](#) “О “незримом колледже” и биографических интервью”

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.pdf

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html

[МБИ-форум 2-1.](#) “Биография и биокритика”, часть 1

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.pdf

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html

[МБИ-Forum 2-2.](#) “Биография и биокритика”, часть 2

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.pdf

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.html

Предлагаю вашему вниманию предварительные материалы заключительной части МБИ-форума по проблемам биографики и биокритики, МБИ-форум 2.3. Этот раздел открывается новым постом Владимира Шляпентоха и ответом на него Владимира Ядова и Бориса Докторовца.

Буду рад услышать ваше мнение по всему спектру проблем МБИ-форума 2. После подведения итогов данной дискуссии, организаторы дискуссии планируют перейти к обсуждению нового ряда вопросов в рамках МБИ Форума 3.

Всего доброго,
Дмитрий Шалин
Редактор МБИ-форума 2

XX. «Наши разногласия» – Шляпентох о членстве в КПСС

10.10.2011

Включение 90. В. Шляпентох – Б Докторову, Б. Фирсову, Д. Шалину, А. Алексееву, В. Ядову

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

(Письмо друзьям социологам)

Дорогие два Бориса, Дима, Андрей и, конечно, Володя (заголовок знаменитой статьи Плеханова, направленной против добрых и сентиментальных народников я вспомнил случайно):

Я нежно люблю каждого из вас и считаю вас превосходными и высокообразованными учеными.

Но, дорогие друзья, мне с вами не по пути в том, что касается применения биографического метода в изучении советской социологии. Вы тяготеете, в моем представлении, к иконографии. По сути, вашим общим принципом, хотя явно не сформулированным, является благородная максима “о мертвых или хорошо, или ничего”. Посмотрите, как все обрушились на меня за попытку критически посмотреть на Игоря Кона, хотя конечно термин “отвратительные” можно было бы и не употреблять. (Даже явно сомнительный с точки зрения вклада в социологию Раббот оказался под благородной защитой). Оказывается, нельзя говорить о конформизме Кона потому, что это, как пишет добрый Боря Д., бросает тень на его вклад в социологию, и также потому, что в “последние годы его жизни он натерпелся от РПЦ и националистов”, и потому, что “Кон был нашим другом, ... и сейчас только мы можем защитить сделанное им”.

Более того, Боря Д. ставит под сомнение необходимость учитывать членство в КПСС Игоря Кона при оценке его личности (“факт членства в КПСС ну никак не может быть основанием для негативного отношения к человеку”). Мне кажется, что и другие участники наших дискуссии тяготеют к мнению о том, что пребывание в КПСС, как переменная, должна быть по сути исключена из анализа. Однако позвольте решительно не согласиться с этим.

Членство в партии было фундаментальным социальным фактом (наряду с национальностью, уровнем образования, местом работы), который делили страну, и деление общества на партийных и беспартийных было вовсе не формальным, а одним из самых главных в СССР, как и во всех тоталитарных режимах. Игорь Кон, возможно, и был пассивным членом партии (что, впрочем, нуждается в проверке, учитывая его походы в ЦК, участие в дискуссиях в Академии Общественных Наук, публикациях в архипартийных изданиях вроде “Философского словаря”). Он также пользовался привилегиями, которых беспартийные были лишены, например, поездками на Запад. Игорь не любил административной карьеры, но другие социологи не могли бы получить свои даже скромные (а иногда и высокие) должности, если бы они не были членами партии.

Как конкретный человек, в данном случае социолог, оказался в партии, каковы были его реальные мотивы, мы никогда не узнаем, ибо психология и социология лишены инструментов это сделать, равно как не дано нам по той же причине знать, “верил или не верил” наш респондент в идеалы. Уж точно нельзя сегодня принимать его рассказы за чистую монету. Член КПСС мог после вступления в партию, после своей активной роли в партии превратиться хоть в диссидента, однако сам факт пребывания в партии остается одним из самых важнейших в объективной, а не иконографической биографии. Юра

Левада стал героем после “Лекций”, но не следует забывать, что он был секретарем парторганизации института социологии. “Для пользы дела”- скажете вы мне. Очень возможно, ибо альтернатива была ужасна. Однако это не зачеркивает тот фундаментальный факт, что он был внутри системы. Также мы не забудем партийность Гайдара, каковы бы ни были его заслуги в борьбе с коммунизмом, не говоря о Яковлеве, разрушителя советской системы, конечно, Ельцина. Сто миллионов людей, в отличие от 18 миллионов, не ходили на партийные собрания, не голосовали против Сахарова, не были доверительными людьми власти, не выбирались для работы в парткомах и профкомах. С другой стороны, партийные работали с большим рвением пропагандистами, чем беспартийные, они реже были связаны с религией, они гораздо более осмотрительно выбирали себе друзей, они не ходили на подозрительные сборища, они реже читали самиздат. Впрочем, перечитайте “1984”, где четко описаны отличия членов “внутренней партии” от “плебса”. Или посмотрите вокруг, на то, что делается в России сейчас. Опять появилась дихотомия – члены партии “Единая Россия” или хотя бы “Народного Фронта” и все остальные. И как драматично общественность встречает новость, что милейшая Оля Криштановская или замечательный актер Машков вступили то ли в партию “ЕР”, то ли в “Общероссийский фронт”. И опять через некоторое время эти люди будут доказывать, что их биографы должны игнорировать этот факт, что у них есть заслуги, что они были пассивны, что это делалось ради профессиональной деятельности.” Он знал, что вертится земля, но у него была семья”.

Вместе с тем, я полагаю, что партия в СССР, при том, что она была каркасом тоталитарного режима, играла конструктивную роль в обществе. Она была единственной силой, которая координировала и стимулировала многие полезные виды деятельности в стране и она поддерживала порядок и мораль в стране. Такова марксистско-ленинская, она же гегелевская диалектика. Зиновьев был в чем- то сильно прав, когда утверждал, что члены парторганизация в любом учреждении были в моральном и профессиональном отношении намного лучше, чем беспартийные.

Ни в коем случае я не выступаю судьей всех 18 миллионов моих бывших соотечественников. Среди них много моих друзей. Однако все они были конформистами (за некоторым исключением). Конформистом был и я. Однако к факту партийности Кона и других социологов, вы, почитатели биографического метода, должны отнестись очень серьезно, как важнейший факт их жизни с многочисленными последствиями, если вы рассматриваете автобиографии социологов, как исторические источники.

Действительно, я вначале видел в вашем применении биографического метода попытку углубить наше знание истории советской социологии, что предполагает критическое отношение к источникам, в данном случае к автобиографиям.

Я не принимаю постмодернизм (несмотря на его некоторые заслуги). С его релятивизмом и “конструктивизмом”, он является врагом науки. Я стою на позициях 60-ых годов, когда социологи хотели приблизить свою дисциплину к физике и биологии, насколько это было возможно. Я по-прежнему оперирую понятиями “объективной реальности” и “истины”, вызывающими нервную дрожь у сегодняшних американских аспирантов. Я поражен тем, что мой бесконечно любимый Боря Ф. (а любить я его буду и дальше) поддался на искус

постмодернистского релятивизма. Вот что он пишет: “Любая история (история советской социологии здесь не составит исключения), подобно окружающему нас миру, является плодом нашего воображения. . . . Это не значит, что ничего из того, что рассказывают историки, не происходило в действительности. Это значит, что происходившее в действительности становится историей лишь в той мере, в какой попадает в область разума и преобразуется в ней. Разум определенным образом полагает эмпирическую действительность, превращая ее в собственное произведение – историю” [1].

Я продолжаю верить в то, что цель социальной науки - приблизиться к истине, насколько это возможно, и не вижу, что в этом социология отличается от других наук. Боря Ф. призывает “продолжать поиск истины, пытаясь ее обнаружить в ответах других людей.” Но смотрите, при каких ограничениях, и с каким тезисом, на корню уничтожающим надежду на использование интервью, как исторического источника, – “примат прав респондента над правами исследователя”. (Это неверно даже для массовых опросов, где профессионализм требует от интервьюера видеть в респонденте по сути противника). Боря также напоминает «Не судите, да не судимы будете!» (!!!!!), парализуя этим окончательно стремление узнать позиции респондента. Далее Боря Ф. расшифровывает: “Сооружать сети словесных уловок и ловить респондентов на «смещениях акцентов», пытаясь загнать их в капкан исследовательского замысла – значило бы грубо нарушать научную этику. К формуле Олега Божкова [«Социолог не следователь, его задачей не может и не должно стать уличение (изобличение) информанта в искажении фактов, в сознательном или бессознательном обмане (а биографические данные чаще всего искажаются именно сознательно [2] я бы мог добавить вполне современное расширение. Социолог не хакер, чтобы пользуясь современными технологиями сбора первичной информации, взламывать сознание респондента. Его целью не может быть извлечение биофактов, которые респондент не счел нужным предать гласности. Социолог – не духовник, чтобы расспрашивать респондента-прихожанина на исповеди, заставляя его каяться в грехах, отпуская их перед святым причастием. Не забудем, что исповедь является таинством, тщательно оберегаемым канонами конфессии от чужого взгляда” . И с такими глубоко гуманистическими идеями, весьма похвальными для других сфер деятельности (например, в преподавании, в общении со учениками и студентами), но не для историка, во всяком случае, не для пушкинского Пимена, который как раз требовал иного:

Так точно дьяк в приказах поседельй,
Спокойно зрит на правых и виновных.
Добру и злу внимая равнодушен,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Однако, при этом, я вовсе не отрицаю важности правил или этики интервьюирования. Их надо соблюдать, чтобы добиться цели (а вовсе не для демонстрации гуманизма) – выявить важную информацию, преодолевая сопротивление респондента. Интервьюер должен вести себя цивилизованно и дружелюбно (и Боря Д. был потрясающе хороший интервьюер в этом проекте) и, не запугивая и не унижая респондента вопросами, которые могли бы прекратить диалог.

Уж как бы хотелось задать каждому советскому социологу такие вопросы, которые так бы углубили бы наше понимание истории:

1. Хорошо известно, что многие советские люди сотрудничали с КГБ. Скажите, Вам приходилось в 1970-1980 годы быть объектом вербовки. Согласились ли вы или нет сотрудничать? Подписали ли Вы документ об этом?
2. Писали ли Вы отчеты в этот же период для первого Отдела после возвращения из заграничных командировок или по другим поводам (каким?)?
3. Хорошо известно, что КГБ следило за неблагонадежными. Приходилось ли Вам информировать сотрудников КГБ, обслуживающих Ваше подразделение, о поведении и высказываниях Ваших коллег?

Увы, эти вопросы нарушают правила работы социологов, которые надо соблюдать и в России и других странах, и мы никогда, по крайней мере пока не проведут перлюстрацию и не откроют архивы, как сделали в Венгрии, Германии и Польше, не узнаем важную для истории правду о жизни бедных советских социологов, находившихся прессом тоталитарного режима.

Боря Ф. ссылается на знаменитые автобиографии, в частности, Августина. Он мог бы сослаться на кучу других имен. Между тем, каждая из автобиографий подверглась зубодробительному анализу, как современников, так и потомков, которые были мало озабочены “научной этикой”. Если однако для исследователя это крайне важно, то пусть он не претендует на то, что он занимается поисками исторической истины, а признает, что он изучает сознание его респондента в тот, и только в тот момент, когда он проводит интервью. (Что само по себе интересно и даже полезно для изучения, но не истории советской социологии, а состояния сознания наших социологов, где бы они ни были в 2000-ые годы.) Или пусть он объявляет, что участвует в сегодняшней политической борьбе, защищая доброе имя своих коллег от нападок националистов или коммунистов.

К счастью, историческая наука по-прежнему озабочена поисками того, “что было на самом деле”, отдавая себе отчет, как трудно это сделать, как ценности авторов документов и мемуаров, равно как и исследователей влияют на выводы историков. Большинство историков не поддались соблазну релятивизма, который так облегчает работу ученого в социальных науках, обеспечивая обоснование лениности, недобросовестности или обыкновенной халтуры. Это я в изобилии наблюдаю в Америке, где стандарты социологических исследований резко снизились. Заявления историков прошлого, таких как Февр, на которого ссылается Боря Ф., не надо трактовать в терминах современного релятивизма. Школа “Анналов” как раз делала упор на изучение массовых процессов, а не на изучение исторических деятелей и отдельных событий с максимальным использованием объективной информации – статистики и данных о географии, климате и демографии. Мне по душе стремление Димы усмирить герменевтиков и феноменологов, забывающих часто о “твердых фактах” (выражение современного критика постмодернизма), предложенной им биокритикой, которая хотя бы теоретически возвращает социологов, увлекшихся конструктивизмом, в сферу поиска истины.

Однако

Ох, как трудно быть объективным!!!!

¹ Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: НЛО, 2001. с.8

² Шалин Д. В поисках нарративной идентичности.... // Телескоп, №3, 2011, с.21.

**

XXI. Реплика Ядова

Включение 91. В. Ядов – Б. Докторову, Д. Шалину, А. Алексееву, Б. Фирсову

7.10.2011

Дорогие коллеги,

Не могу не встрять в принципиально важное обсуждение биометодологии. Я придерживаюсь «среднего» пути: при жизни интервьюируемого коллеги стараться, по возможности, не вредить ему. Но в сущности Шляп прав: искать правду как можем, если хотим восстановить исторические факты. И рассуждать предположительно о мотивах поступков социологов у нас не меньше оснований, чем у историков или литературоведов.

Ваш,

В.Я.

**

XXII. «Нет истины, где нет любви» – ответ Доктора Шляпентоху

Включение 92. Б. Докторов – В. Шляпентоху

7.10.2011

Нет истины, где нет любви
Борис Докторов

Многое в заметках Володи Шляпентоха по поводу «наших разногласий» прояснится, если рассматривать их в контексте дискуссии по сложным проблемам историко-биографических исследований в рамках изучения прошлого-настоящего российской социологии. Эти исследования проводятся уже четверть века, и активное обсуждение различных подходов к анализу этой многомерной тематики направленно ведется участниками международного «незримого колледжа» с середины июля этого года. К настоящему моменту ряд высказанных в дискуссии точек зрения представлен в серии

статей, опубликованных в петербургском журнале «Телескоп» [1-6], и полный текст обсуждений отражен на сайте проекта «Международная биографическая инициатива» [7, 8].

Началом той части дискуссии, которую Володя в своем назвал «о мертвых или хорошо, или ничего», послужили его слова, сказанные в конце августа в письме к Дмитрию Шалину:

“...ибо Вы не показываете на конкретном примере (на интервью Кона, например) как Вы намерены представлять интервью читателям, не знакомым с советской действительностью. По сути, Вы невольно не информируете о том, “что было”, а создаете ложную картину о борцах за истину (в частности, о Коне, активном члене КПСС, авторе довольно отвратительных статей в “Философском Словаре”, 1982, о которых он не упоминает ни словом)”.

Полностью это письмо представлено в Протоколе №2, но в конце сентября при финальном редактировании этого документа у его составителя, Андрея Алексеева, возникло предложение убрать из письма приведенный фрагмент. В начале октября я (Боря Д.) попросил Володю не настаивать на публикации пассажа об Игоре Коне и обосновал это следующим образом:

Во-первых, Кон никогда не позиционировал себя в качестве борца за истину... скорее, он всегда оставался академическим ученым.. во-вторых, как ты понимаешь, факт членства в КПСС ну никак не может быть основанием для негативного отношения к человеку... в третьих, полистай «80 лет одиночества», там есть воспоминания Игоря об этих статьяx.. в четвертых, не стоит судить о статьяx 82 года (три десятилетия назад) с сегодняшних позиций, тем более, что «отвратительными» они не являются.. ты и сам понимаешь, что по тому времени взвешенная статья Кона давала многим право говорить о том, что социология – не только буржуазная наука.. далее, так сложилось, что 1 мая я был на похоронах Игоря.. и хотя он завещал развеять его прах, можно сказать, что еще земля не осела на его могиле, а уже началась критика Кона.. как-будто он ничего не сделал значимого для социологии.. последние годы его жизни он натерпелся от РПЦ и националистов .. хватило бы кому угодно.. не лучше ли изъять эти слова из твоего текста, а придет время, взять текст Игоря, взять то, что писалось в те годы о социологии в СССР (не помню, когда статья была написана, это словарь вышел в 82 году) и рассмотреть ее всесторонне.. и на фоне того, что Коном было сделано до 1982 года и после.. тем более, что Кон был нашим другом.. и сейчас только мы можем защитить сделанное им..

В состоявшемся 5 октября продолжительном телефонном разговоре мы с Володей рассмотрели несколько вопросов, относящихся к природе биографической информации (интервью, мемуары и прочее) и методологии ее использования при освещении истории современной российской социологии. Если говорить о моей конкретной просьбе, то она сводилась к тому, чтобы убрать слово «отвратительное» применительно к статье Игоря Кона в «Философском словаре». Поскольку в настоящем блоге Володя пишет: «хотя конечно термин “отвратительные” можно было бы и не употреблять», то я мог бы и не писать настоящие заметки.

Вместе с тем, мне хотелось бы вернуться к названному телефонному разговору, в котором была намечена тема, в блоге обозначенная Володей Шляпентохом словами: «Я по-прежнему оперирую понятиями “объективной реальности” и “истины”». Кто против? Вопрос в том, как смотреть на «объективную реальность» и как двигаться к «истине». Мне близка позиция А.С.Пушкина, высказанная им его краткой биографической заметке об Александре Радищеве и фокусированной на анализе его книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Пушкин отмечал, что в книге есть «несколько благоразумных мыслей» и «несколько благонамеренных предположений». И далее: Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и **нет истины, где нет любви..»** (3 апреля 1836 г. СПб., ПСС, т.7, Л., 1978. С. 246).

Слова: «нет истины, где нет любви» подчеркнуты Пушкиным, и были сказаны им менее, чем за год до его гибели. В то время он глубоко понимал и *силу любви* и *губительность поношения*.

Снизим пафос риторики и перейдем от любви к уважению, признанию заслуг ученого, о котором биограф пишет, и от движения к истине к стремлению к объективности анализа. В последние годы я написал несколько книг и множество биографических статей о выдающихся американских полстерах, о классиках изучения эффективности рекламы и о моих современниках – российских социологах разных поколений. И могу утверждать, что доброе отношение ко всем этим людям заставляет стремиться к объективности рассказа о них и быть объективным в оценках сделанного ими. Я выражаю этот принцип словами: «пристрастность раньше объективности».

Работа над биографией – это всегда общение с тем, о ком пишешь. Я вижу, чувствую и осознаю различие в написании биографий людей, которые давно умерли, которых я не знал и не мог знать, и людей, которых я знаю или знал. И здесь ничего не поделаешь.. и дело не в «любви», а во времени (или Времени), отделяющим меня и человека, жизнь и творчество которого я изучаю. История – дальноточка, и не приветствует поспешность в оценках сделанного недавно. Тем более, что и сама наука (или Наука) постоянно развивается, и потому становится яснее сделанное отдельным ученым и поколениями ученых.

Каждый имеет право только на аргументированное суждение о человеке и его работе. Особенно, если эти суждения и эти оценки критические, негативные.

Литература:

1. Алексеев А. Н.30 лет «в строю» (Мое членство в КПСС) // Телескоп». 2011. № 3, с. 7-12 http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_party_11.html
2. Алексеев А. Н. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf

3. Беляев Э.В. Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина
http://cdclv.unlv.edu/ega/articles/beliaev_interview_11.html
4. Докторов Б. К семилетию рубрики «Современная история российской социологии»
http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/bd_teleskop_11.pdf
5. Фирсов Б. История социологии «в лицах»: биография и/или биокритика
http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf
6. Шалин Д. В поисках нарративной идентичности:
К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // «Телескоп». 2011. № 3, с. 3-23
http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html
7. Шляпентох В. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?
<http://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/2011/08/07/%d0%bc%d0%be%d0%b6%d0%bd%d0%be-%d0%bb%d0%b8-%d0%b1%d0%b5%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b5%d0%bf%d0%b5%d1%82%d0%bd%d0%be-%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b5%d1%80%d1%8f%d1%82%d1%8c-%d0%b0%d0%b2%d1%82%d0%be%d0%b1%d0%b8/>
8. Форум: биографика, социология и история. Протокол № 1. О «незримом колледже» и биографических интервью http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.pdf
9. Форум: биографика, социология и история. Протокол № 2-1. Биография и биокритика. Часть 1. http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.pdf

**

XXIII. Из переписки Дмитриевского и Шалина

Включение 93. В. Дмитриевский – Д. Шалину

12.10.2011

Многоуважаемый Дмитрий Шалин! Я чрезвычайно благодарен Вам за присылку столь содержательных и значимых материалов. Они, разумеется, требуют серьезного и вдумчивого осмысления. К сожалению, мой социологический опыт весьма скромно ограничен “производственно-прикладной” узкой проблематикой, но “биографика” (название последней книги И.Ф.Петровской) меня всегда очень интересовала и некоторые аспекты проблемы я с удовольствием обсуждал с моим давним другом Андреем Николаевичем Алексеевым в домашних доверительных застольных беседах и эпистолярной переписке, не рискуя выйти на более широкую аудиторию. Надеюсь,

несмотря на мою бесполезность, Вы оставите меня в числе Ваших уважаемых адресатов. Всех Вам благ, успехов и здоровья.

С уважением Виталий Дмитриевский

12.10.11

*

Здравствуйте, Виталий.

Рад слышать, что материалы МБИ Форума вам интересны. Вы будете их получать и далее в рабочем режиме. Уверен, что вам есть что сказать по существу обсуждаемых проблем и, надеюсь, со временем вы поделитесь с нами своими соображениями. Всего хорошего, Дмитрий

**

XXIV. О письмах Игоря Кона

Включение 94. А. Алексеев – Б. Докторову, Д. Шалину, В. Ядову, Л. Козловой, Н. Мазлумяновой, Б. Фирсову, Р. Ленчовскому, О. Маховской, Э. Беляеву

10.10.11

Уважаемые коллеги!

Борин текст: **«ИГОРЬ КОН: Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ВЕЛИКИМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ ПРОСТО ЗАБЫЛ УМЕРЕТЬ В 1989 ГОДУ** (Из переписки с И.С.Коном)» (кстати, вряд ли стоит повторять название, уже фигурировавшее в «Троицком варианте»), - есть статья, построенная на материалах личной переписки, и одновременно – публикация писем с комментариями составителя композиции. В принципе, можно этот текст размещать в рубрике сайта МБИ «Comments and Dialogues» (см.

<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>), который и так состоит в основном из эпистолярных диалогов.

В частности, наши дискуссии ([форумы 1](#), [2-1](#), [2-2](#)), являющиеся протоколами групповой переписки, смотрятся там вполне органично.

Но мне кажется важным, чтобы этот материал был представлен на сайте МБИ дважды (как уже бывало): и самостоятельно, и в составе протокола дискуссии МБИ-форума 2-3, поскольку он фактически является ответом покойного Кона на некоторые соображения, высказанные в «Наших разногласиях» В. Шляпентоха (Замечу, что эти "Наши разногласия" уже опубликованы им на Шляпентох's блоге - <http://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/>, вместе с Докторовским «Нет истины, где нет любви». Запись от 13.10.2011).

Кстати, и наш привет Шляпу, по случаю его 85-летия там, в этом протоколе форума 2-3 был бы очень уместен.

...Ничего удивительного, что информация об этом поздравлении «досрочно» дошла до адресата. Ведь этот привет уже вывешен на двух сайтах:

http://cdclv.unlv.edu/archives/Tributes/shlap_tribute.html и ..
http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=120, которые не стали дожидаться 19 октября.

Андр. Алексеев. 18.10.2011. 10:40

**

XXV. К 85-летию Владимира Шляпентоха

Включение 95. А. Алексеев – Б. Докторову, Д. Шалину, В. Ядову, Л. Козловой, Н. Мазлумяновой, Б. Фирсову, Р. Ленчовскому, О. Маховской, Э. Беляеву

19.10.2011

Юбиляру, его коллегам, друзьям, читателям и почитателям

19.10.2011, 17:11, "Boris Doktorov" <bdoktorov@inbox.ru>:

Сегодня-завтра наше поздравление Володе Шляпентоху можно увидеть на главной странице Института социологии <http://www.isras.ru/>

...К этому можно добавить еще публикацию этого же поздравления В. Шляпентоху с 85-летием на Полит.ру, только что: : http://www.polit.ru/article/2011/10/18/shlapentokh_85/

Итак, в хронографической последовательности обнародования нашего международного привета самому старшему и самому молодому среди нас:

http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=120,
http://cdclv.unlv.edu/archives/Tributes/shlap_tribute.html
http://www.isras.ru/index.php?page_id=1611
http://www.polit.ru/article/2011/10/18/shlapentokh_85/

Андрей Алексеев. 19.10.2011. 18:30.

Мы, ниже подписавшиеся...

По поводу 85-летия Владимира Шляпентоха

Для одних из нас в очень далеком, а для других – не столь удаленном Мичигане Владимир Эммануилович Шляпентох встречает свое 85-летие. Его книга по критике мальтузианства вышла в 1958 году, а монография, анализирующая постсоветскую Россию как феодальное общество, - в 2008 году. Завидное творческое долголетие. Непреходящий интерес к миру социальных отношений.

Наш общий стаж знакомства и дружеских отношений с Володей по крайней мере вдвое превышает прожитое им. И кто как не мы имеет бóльшее право сказать, что сделанное Владимиром Шляпентохом, в годы становления социологии в период «оттепели» – сейчас это отчетливо видно – является важной частью фундамента современной российской социологии. Это, в первую очередь, его пионерные исследования читательской аудитории центральной прессы и публикации в области обеспечения достоверности социологической информации. Его книга: «Как сегодня изучают завтра», увидевшая свет в 1973 году, стала открытием социологии для тех, кто раньше даже не слышал о существовании такой «диковинной» науки.

В 1979 году Володя эмигрировал в США, и несколько лет действовал запрет на цитирование его работ в советской литературе. После перестройки он вернулся и весьма активно включился в исследования российских проблем. Достаточно назвать выполненный по его инициативе проект о катастрофическом сознании в современном мире (Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. М.: 1999).

Бывая в Москве, Владимир Эммануилович непременно выступает в переполненных аудиториях и горячо полемизирует, в том числе и с самим собой – таков его критически-аналитический ум. Уже несколько месяцев мы, т.е. ниже подписавшиеся, и Володя обсуждаем мало разработанные вопросы освещения прошлого нашей науки на базе биографического материала. Электронные послания носятся между Россией и Америкой. Кто знает Володю, не удивится, кто не знает, должен поверить нам, что самые острые суждения, наиболее полемические точки зрения высказываются им. Иногда страсти

накаляются, дело приближается к «научному разводу», разговор выходит за рамки привычной академической дискуссии и напоминает бурные «оттепелевские» и «перестроечные» тусовки. Но как приятно после бурной полемики осознавать, что мы продвинулись в понимании сути проблемы. Без участия Володи наши обсуждения были бы не только более «пресными», но и – главное – менее продуктивными. Отрадно и то, что после трех десятков лет жизни в США он не проникся американскими традициями политкорректности в отношениях между авторами учеными. Напротив, он считает их тормозящими движение науки, а точнее – Науки.

Дорогой друг, разреши нам и далее в течение многих лет не замечать твоего возраста. Желаем тебе здоровья, творческого дерзания, новых книг, новых встреч и долгого сохранения того, что тебе дорого, близко, что согревает твою жизнь.

Андрей Алексеев
Борис Докторов
Борис Фирсов
Дмитрий Шалин
Франц Шереги
Владимир Ядов

19 октября 2011 г.

**

XXVI. Из переписки Алексеева и Дмитриевского

Включение 96. А. Алексеев – Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову, М. Мацкевич, Т. Протасенко

10.21.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Продолжающаяся на МБИ-форуме дискуссия «Биография и биокритика» (напомню: последние материалы там – «Наши разногласия» В Шляпентоха» и «Нет истины, где нет любви» Б. Докорова; они рассылались Дм. Шалиным 12.10.2011 в составе кумулятивного файла МБИ-форум 2-3; см. также в [Шляпентох's блоге](#)) может быть пополнена материалом, писавшимся моим многолетним другом и коллегой, социологом-театроведом Виталием Дмитриевским – вовсе для этой дискуссии. Но вы можете сами убедиться, насколько этот текст нам «в тему».

Статья называется: «Художник и власть в искусстве эпохи надлома империи (Н.П. Акимов и Г.А.Товстоногов)».

Для тех, кто заинтересуется, может, стоит почитать также нашу переписку с В. Д. по этому поводу. См. ниже.

Ваш – Андр. Алексеев. 21.10.2011.

**

В. Дмитриевский – А. Алексееву

13.10.2011

Дорогой Андрей! <...> Тут, видимо, по Твоей наводке, получил от Дм. Шалина кипу интереснейших документов, которую постепенно осмысляю, и предложение участвовать в мероприятиях. Это лестно, но, боюсь, при моей малой осведомленности в вопросах социологии и биографики, затруднительно. Тем не менее рискую Тебя обременить просьбой -- познакомиться с моей статьей <...>. В известной степени, она имеет отношение к биографике. И вообще, Твои замечания относительно статьи, её героев (Акимов и Товстоногов), их социального и художественного поведения были бы для меня чрезвычайно ценны. Обнимаю! Виталий.

**

А. Алексеев – В. Дмитриевскому

18.10.2011

Дорогой Виталий.

<...> Статью твою «Художник и власть в искусстве эпохи надлома империи (Н.П. Акимов и Г.А.Товстоногов)» читал с большим удовольствием, хоть сюжет этот у Тебя мне и был знаком, но не в таком совершенном, чеканном виде. Действительно, относится к биографике. <...>

Акимов и Товстоногов – два социально-психологических типа советской творческой интеллигенции, предъявленных в лице двух ярчайших того и другого типа представителей. Мне лично – ближе Акимов. Но среди них нет «лучшего» и «худшего». Они – ТАКИЕ, как Ты их показал в своем «двойном портрете» - в аспекте адаптации себя к системе и системы к себе. То есть я усматриваю в этом твоём тексте глубокий не только историко-психологический, но и теоретико-методологический смысл. Спасибо.

Интересно, что у нас с Тобой обнаружались существенные переклички и концептуальные совпадения в теме, которую мы специально, по крайней мере – профессионально, не обсуждали. Посмотри мою недавнюю статью [«30 лет «в строю» \(Мое членство в КПСС\)»](#). Сам увидишь.

Немало об этом (о поведении научной и творческой интеллигенции «в эпоху надлома империи»; хорошо сказано!) - и в материалах «социобиографической» дискуссии, присланной Тебе Шалиным.

Из материалов дискуссии обращаю твое внимание на тексты – мой - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf, Фирсова - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf и Докторова - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/bd_teleskop_11.pdf. <...>

Твой – Андр. Ал.

**

В. Дмитриевский – А. Алексеев

18.10.2011

Дорогой Андрей!

<...> Спасибо, что нашел время <...> прочитать мою статью. <...> Твое мнение для меня всегда первоприоритетно.

Сейчас перечитал Твои «30 лет «в строю»...» - в названии скрыт исторический посыл к мемуарам генерала Игнатьева? Я бы позволил себе и другой более легкомысленный театральныи посыл "30 лет, или Жизнь игрока" - была такая популярная на французской сцене XIX века весьма поучительная пьеса.

А серьезно - действительно, возникают у нас очень ценные для меня пересечения и переклички. Впрочем, что удивительного? За сорок с лишним лет нашего славного общения как им было не возникнуть? Строго говоря, благодаря Тебе я оказался в ранге театроведа среди социологов и социолога среди театроведов. Раньше меня это промежуточное (или межеумочное) положение озадачивало и смущало, а потом привык и даже стал ощущать некую исключительность, получать некоторые дивиденды -- например, презумпцию некой безответственности, обусловленную самой пограничностью своего положения. Д и вся моя служебная карьера сложилась благодаря этой двойственности!

<...> Вообще тема - "социально психологические типы творческой интеллигенции" чрезвычайно интересная и актуальная и двумя персонажами никак не исчерпывается. А Захаров? Любимов? Ефремов? Сокуров?

За каждым - огромный многоцветный шлейф - творчества, интриг, приспособлений, но и замечательных художественных свершений - вот что занимательно! Система ценностей - природная, приобретенная, навязанная, принятая, отторгнутая, "итоговая"... Вот только времени не хватает, ну и сил и таланта, конечно... Извини за многословие: давно не общались, вот и тянет поговорить...<...>

Виталий

**

А. Алексеев – В. Дмитриевскому

18.10.2011

Да, Виталий, именно так. Своим сопоставлением Акимова и Товстоногова, Ты вступил на целину именно «социально-психологических», а не «творческих» портретов художественной интеллигенции (где взаимоотношения с властью едва ли не главнейшая характеристика), что редко бывает при жизни, и даже после смерти обычно требует исторической дистанции, но при наличии доброжелательства и такта аналитика-критика (что бывает редко), в принципе возможно, и Ты это прекрасно продемонстрировал. Уж всяко наследникам и потомкам твоих героев читать твою статью будет не обидно. А это - хороший показатель мастерства биографа и / или интерпретатора.

О том, насколько близко это сюжетам дискуссии, Ты можешь судить из моей и Докорова полемики versus Шляпентох и Шалин (у которых и между собой разногласия), для чего пересылаю Тебе нашу вчерашнюю-сегодняшнюю переписку вокруг покойного Кона: Докторов, Шалин, Ядов, я и др. Там обрати внимание на сетевые ссылки на Шляпентох's блог, а заодно – и на [наше поздравление Шляпу с 85-летием](#). (См – в конце настоящего письма. <...>

Обнимаю. АА.

**

XXVII. «Художник и власть в искусстве эпохи надлома империи» – В.Н. Дмитриевский

Включение 97. А. Алексеев – Э. Беляеву, Л. Брусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Семеновой, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги. В. Шляпентоху, В. Ядову, М. Мацкевич, Т. Протасенко, Р. Баранцеву, Ю. Беспаловой, О. Божкову, Н. Деминой, К. Дивисенко, В. Дмитриевскому, В. Ильину, А. Категату, Н. Корневу, К. Пигрову, И. Ронкиной, О. Старовойтовой, Л. Столович, О. Тиховской, Г. Тульчинскому, М. Филипповой, И. Флиге, Н. Цветаевой, И. Яковлевой

В.Н. Дмитриевский

Художник и власть в искусстве эпохи надлома империи

(Н.П. Акимов и Г.А.Товстоногов)

1

Выдающиеся театральные режиссеры середины XX века Николай Павлович Акимов и Георгий Александрович Товстоногов почти два десятилетия – 1950-е – 60-е годы, плодотворно трудились в Ленинграде и стали своего рода символами, достопримечательностями его духовной культуры.

Начало творческим и личным отношениям двух замечательных мастеров сцены положила их первая встреча в Москве. В 1949 году режиссеров пригласили в Министерство культуры, однако, совсем по разным поводам: Товстоногова направляли на укрепление Ленинградского театра имени Ленинского Комсомола, а Акимова скандально увольняли из Театра Комедии и вообще отлучали от режиссуры – за космополитическое эстетство и «буржуазно-формалистические» увлечения.

...Товстоногов прибыл в Ленинград с дипломом московского ГИТИСа и опытом работы в Тбилиси, Алма-Ате, в Московском гастрольном театре, в Центральном Детском. В 1949 году Товстоногову 34 года, Акимову – 48. За Николаем Павловичем – прочная репутация талантливого живописца, графика, сценографа, режиссера-экспериментатора, с 1920-х годов работавшего в московском Вахтанговском театре, в Ленинградском Академическом театре драмы им. Пушкина (б. Александринском), в Большом Драматическом, в мюзик-холле, наконец, в созданном им в 1935 году Театре Комедии.

Самоутверждение Товстоногова в послевоенном Ленинграде развивалось по стремительной восходящей. Уже в 1950 году он получил Сталинскую премию за спектакль «Из искры...» Ш.Дадиани, посвященный революционной юности Сталина, затем, в 1952 – вторую Сталинскую премию – за постановку «Дороги бессмертия» – о героической судьбе чешского писателя-антифашиста Юлиуса Фучика. В Театре Комедии, в пору отсутствия там Акимова, Товстоногов выпустил «Помпадур и помпадурши» М.Салтыкова-Щедрина и водевиль В.Дыховичного и М.Слободского «Воскресенье в понедельник». А в 1955 году, в преддверии XX съезда КПСС, в Академическом театре драмы им. Пушкина он показал «Оптимистическую трагедию» Вс.Вишневского. В 1958 году спектакль отметят Ленинской премией.

Акимов, отстраненный от режиссуры в 1949 году и допущенный после двух лет бездействия к руководству Новым театром, ставит спектакли на очень разном драматургическом материале -- «Тени» М.Салтыкова-Щедрина, «Дело» А.Сухово-Кобылина, «Весну в Москве» В.Гусева, «Европейскую хронику» А.Арбузова... В решении проблемы «характер и обстоятельства», «человек и общество», «художник и власть» Акимов остается на прежних устойчивых позициях, он продолжает работать в жанре комедии и в своих новых спектаклях поднимается до обличительной сатиры. Анализируя «Тени» на сцене Нового театра, Д.Золотницкий писал: «Минуя готовые представления о щедринском стиле как стиле эзоповском или сплошь гротесковом, Акимов — режиссер и художник – многопланово развил в пьесе ее драматические, комедийные и сатирические мотивы. Слова Клаверова (одного из персонажей пьесы – Авт.) о сочетании «проклятого

водевиля» и «отвратительной трагедии» стали характеристикой контрастных планов спектакля, которые совмещались так тесно, что порой трудно было различить, где кончалась трагедия и где начинался водевиль. ... Сатирические мотивы не были заданы изначала: они возникали постепенно, в ходе взаиморазоблачения и утверждались как вывод о происходящем, как результат и оценка». (1).

Воссозданная Акимовым – режиссером и художником – «картина мира» показывала корневую враждебность власти «частному человеку» – идеалисту-шестидесятнику Бобыреву, восторженно мечтающему о преобразующих общество реформах. Социально-психологический анализ драматической ситуации реализовывался в объемных сценических характерах, в декоративном оформлении спектакля – «государственность» выступала в броских символах, знаках, в атрибутике, ритуальности, она грубо выталкивала любого инакомыслящего на обочину жизни. Либерально-демократические умозрительные реформистские потуги, прекраснотушные надежды безжалостно уничтожались казенной мертвой машиной.

В «Деле» Акимов метафорически воссоздал фундаментальную иерархию власти – от расположившегося на вершине чиновной пирамиды неприступного «весьма важного лица» и нисходящих по рангу начальственных фигур – «грязь, подлость и гниль» в золоченых мундирах -- до «ничтожеств или частных лиц». Гнет всей системы обрекал человека на унижение и гибель: «Душный и страшный мир рисует Щедрин в «Тенях» – что ни человек, то низость, моральное растрение, подлая злоба на всех окружающих и готовность перегрызть всем горло, -- писал Акимов. – И при всем этом в характере каждого из действующих лиц легко отыскать тончайшие психологические оттенки, делающие персонажей очень разными, непохожими друг на друга, несмотря на общность их житейской философии... Процесс дифференциации уже захватил верхушку бюрократического аппарата, часть которого оказалась зараженной идеями лакейского либерализма, как более «совершенной» идеологии самодержавно-крепостнического строя, прикрывающей собой его звериную сущность». (2).

Спектакль отвечал общественной атмосфере поры «оттепели» 1950-х годов, он проецировал сценические события на уклад сталинского режима.

«Европейская хроника» А.Арбузова в прочтении Н.Акимова сильно укрупнилась в своей проблематике. Автор пьесы в привычных традициях тех лет разоблачал капиталистический образ жизни и нравы растленной буржуазной богемы. Спектакль Акимова вышел в июне 1953 года в пору первых ещё весьма робких попыток осуждения сталинского террора. Тема «художник и общество», зависимость творца от власти вводилась театром в широкий этический и идеологический контекст современных общественных настроений. Акимов создал новую редакцию пьесы. Он отодвинул фактологию событий на второй план – действие пьесы происходило во Франции на рубеже 1930-40-х годов -- усилил и обострил столкновение художественной элиты с окружающими их политическими условиями и создал серьезный социально-психологический и одновременно публицистический спектакль. Цена профессионального успеха, гражданственной, нравственной репутации художника, его ангажированности – вот проблемы, которые решали модный живописец, литератор, актриса. Драма человека и

драма художника выступали здесь в неразделимости общей судьбы – профессиональной, творческой, житейской...

Жизнь отечественной научной интеллигенции оказалась в центре внимания стихотворной комедии В.Гусева «Весна в Москве». Банальный конфликт индивидуалиста-одиночки, противопоставившего себя сплоченному коллективу, Акимов сместил в плоскость музыкально-развлекательного зрелища, выставив на посмешище общественные нравы, коммунально-чиновный советский быт. Верность жанру -- комедии, верность герою – интеллигенту, верность характеру, энергично утверждающему себя в столкновении с обстоятельствами, верность социальной оценке противостоящих сил определяли позиции Акимова на всех этапах его собственной биографии.

Не стоит упрекать Акимова в примитивном «интеллигентоцентризме», но безусловно, что интеллигентский субкультурный срез всегда находился под его пристальным вниманием, в нем он находил конфликты, характеры, типы, в которых отчетливо отражались коллизии отношений современного человека и общества.

С кончиной Сталина политический климат в стране ускоренно менялся: если в марте 1953 года заклинание писателя Константина Симонова в «Литературной газете» – «теперь и на многие годы вперед, у нашей советской интеллигенции главная задача – создать во всей полноте образ Сталина – величайшего гения всех времен и народов» – звучало в контексте времени, отражало «настроения момента», то уже в августе Симонова по указанию Хрущева сняли с поста главного редактора «Литературной газеты», а призывы увековечить вождя и вовсе стали неактуальны. (3). Осенью 1953 года – к этому времени возрожденный Акимовым Новый театр обрел почетное право называться Театром им. Ленсовета, – у начальства возникли «прожекты» снова бросить Акимова «на прорыв» – теперь уже в Большой Драматический театр. «Меня чуть не похитили из Нового театра, – сообщал он в частном письме – С помощью Комитета и прочих властей отрывал со страшной силой Большой Драматический театр. После краткого исследования невесты – отказался: приданое гнилое и явные следы дурных болезней! Потом Беспалов (московский чиновник аппарата Министерства культуры – Авт.) предлагал обратно – Комедию. Тоже не подошло (При существующих порядках, когда никого нельзя выгнать)». (4). И все же через некоторое время Акимов согласился вернуться в Театр Комедии – ведь это было его родное детище! А Большой Драматический вскоре передали Г.А.Товстоногову. «Я не съедобен!» – предупредил он труппу на первом же собрании и, получив от властей исключительные полномочия, без колебаний очистил театр от балласта едва ли не на две трети...

В пору послесталинской «оттепели» художественная и научная интеллигенция по мере открывшихся возможностей расширяла свое влияние на социальную жизнь, её деятельность всё чаще выходила за рамки профессиональных сообществ, подчиненных идеологическому аппарату. Остерегаясь роста оппозиционных свободлюбивых настроений, власть осуществляет цикл встреч руководителей партии и правительства с деятелями искусств, попутно угрожая преобразованием творческих союзов в единое охранно-бюрократическое ведомство, сходное по структуре с министерством, закрывает неугодные спектакли, фильмы, вернисажи, изымает из оборота уже вышедшие книги.

Правозащитники, диссиденты конца 1950-60-х годов, «узники совести», гласно потребовав демократических свобод, взбудоражили массовое сознание, подорвали «монополию страха», монополию власти на интерпретацию событий. Они показали каждому «частному человеку», «негерою» возможность совершить поступок, утвердили его право на «собственное мнение» (Так назывался вызвавший недовольство властей нашумевший рассказ Д.Гранина, опубликованный в 1956 году). Художники очертили «пространство инакомыслия», обнажили растерянность одних, твердость убеждений и самосознания других. В обществе подспудно формировалась новая шкала ценностей, слов, поступков, на фоне разнузданного пропагандистского официоза росла значимость моральных категорий. Но параллельно в эту пору романтической эйфории и «юношеского максимализма» складывается трезвая философия поведенческого «двойного стандарта», «здорового компромисса», оправдывающего соглашательство, «оптимальную» меру сотрудничества с властью.

Если смерть Сталина в марте 1953 года вскоре стала осознаваться обществом как освобождение от страха и тоталитарной угрозы, то уже подавление венгерского восстания советскими войсками в «съездовском» 1956 году охладило прекраснодушные иллюзии и надежды. Вместе с тем, очевидное расширение информационного и художественного поля позитивно воздействовало на общественную ситуацию. С выходом новых многотиражных журналов, с энергичной деятельностью издательств, киностудий, театров в массовый культурный оборот возвращалось наследие отечественных и зарубежных художников. Повышенный интерес к прошлому, к его переосмыслению способствовал выдвижению новых лидеров в искусстве, в науке. Возрождается тип активной, независимой личности – гражданина, художника, ученого, мыслителя, носителя индивидуального, социального, творческого, научного, сознания, утверждающего собственную трактовку событий, свою интерпретацию истории, культуры, современности.

Поэты, прозаики, режиссеры, артисты, музыканты, художники в дискуссиях, спорах, публичных выступлениях, в журнальной полемике определялись в понимании и оценках культурных, гражданских, моральных ориентиров, осваивали новое духовное пространство. В среде художественной интеллигенции крепла когорта противников официального искусства, стремящихся вернуть человеку самоощущение личности, индивидуальности, помочь ему укрепиться в своей личностной целостности, проявить твердость, честность, уклониться от кампанейских манифестаций «в поддержку» или в «осуждение», отказаться от участия в массовых демонстрациях, публичных голосованиях, протестах, иными словами — «жить не по лжи», дистанцироваться от официального пропагандистского энтузиазма и даже возвыситься если не до протеста, то до несогласия.

Наметившаяся в стране «оттепель» выявила имена художников, на творчество которых живо откликнулось молодое поколение. «Оппозиционно-протестные» произведения И.Эренбурга, К.Паустовского, А.Солженицына, В.Шаламова, Д.Гранина, В.Дудинцева в литературе, А.Попова, В.Плучека, Н.Охлопкова, Н.Акимова, А.Лобанова в театре открыли поле для самовыражения и самоутверждения. Драматический театр «поры оттепели» тесно сблизился с литературой, музыкой, с кинематографом, с изобразительным

искусством, с эстрадой, с «бардовской» песней, органично вписался в развивающийся «синтез искусств», тем самым расширив диапазон собственных возможностей и усилив свое влияние на публику.

В театре активизируется «среднее поколение» режиссуры – это Г.Товстоногов, Ю.Любимов, родившиеся в 1910-х годах, к нему примыкают О.Ефремов, А.Эфрос, Б.Львов-Анохин, уроженцы середины 1920-х, наконец, «тридцатилетние» М.Захаров, П.Фоменко, Л.Хейфец, Р.Виктук, М.Розовский, М.Левитин... Их сценическое творчество образовало плотный пласт художественных откровений, вызвавших значимый общественный резонанс. Они ввели в социокультурный оборот, возвысили и утвердили в сознании публики ценность и значимость «частного человека», многообразие и сложность его личной жизни. Его существования оказалось высвечено литературой, театром, кинематографом, извлечено из общего потока событий, показано в значимости смыслов и неповторимости судеб, в сложности эмоциональных оттенков (пьесы А.Володина, В.Розова, Л.Зорина, Л.Петрушевской, А.Вампилова, И.Дворецкого, А.Гельмана и др.).

Этому процессу в сопутствовало освоение публикой произведений мировой литературы, эстрадных программ, гастролей театров, зарубежного кино – итальянского, французского, немецкого, японского, польского, чешского и даже наивно-фольклорного индийского. Демократизм, искренность, метафоричность фильмов Де Сика, Де Сантиса, Л.Висконти, М.Антониони и других мастеров повлияли на тех же Акимова и Товстоногова, на Ефремова и Эфроса, на кинематографическую практику Г.Чухрая, М.Калика, М.Калатозова, Г.Данелии, А.Иоселиани, А.Тарковского, на авторов молодой прозы В.Аксенова, А.Гладилина, В.Максимова, В.Войновича, А.Битова...

Прорыв «железного занавеса» открыл «частному человеку» богатую информацию не только о современном внешнем мире, но оснастил его и внутренним знанием о самом себе, о социально-психологическом и культурном окружении, расширил представления о жизни, породил новые ценностные ряды, духовные и материальные, предполагающие ломку заданных режимом и идеологией ограничений. Возрос интерес к фактам и документам, спрос на социальную, историческую правду и одновременно на лирику, на поэзию, на песню как выражение эмоционального, чувственного непосредственного душевного отклика. Театр как исполнительское искусство, существовал в живом и непосредственном контакте с аудиторией, в подвижном эмоциональном психологическом поле. В амплитуде идеологических и политических колебаний творческая интеллигенция осваивала новые формы существования. Каждый художник стремился в отношениях с публикой очертить свои «контуры общения». Театр иногда завывал, а чаще занижал свои представления о зрителе, но реальный успех достигался тогда, когда его усилия точно попадали в «резонансное поле» гармоничных отношений с залом.

2

Не прошло и полугодя после похорон Сталина, как жесткое отношение власти к творческой интеллигенции смягчилось. Опальный Николай Акимов почувствовал это особенно остро. Центральная и ленинградская пресса дружно публикует восторженные рецензии на его спектакли в Новом театре – теперь Театре имени Ленсовета. «Известия»

заказывают проблемную статью о путях сценического искусства. Во время триумфальных гастролей в Москве Комитет культурпросветучреждений при Совете Министров РСФСР устраивает пресс-конференцию. С программной речью выступает Акимов, организаторы-чиновники упрекают журналистов в недостаточном внимании к его театру, критик «Литературной газеты» В.Сухаревич призывает наградить актеров театра орденами и медалями, а самому Акимову присвоить звание Народного Артиста СССР (он получит его в 1960 году, спустя три года после Товстоногова). А в Ленинграде секретарь обкома партии А.Попов демонстрирует своё высочайшее покровительство, содействует технической реконструкции театра и обещает помощь во всех направлениях. «На прощание А.И.Попов меня упрекнул за то, что я редко бываю в Обкоме и его игнорирую, – сообщает Акимов в частном письме. – Я обещал бывать чаще». (5).

Впрочем, режиссер не спешит брататься с партийными властями. «Массовое распространение барометров не предотвращает бури», – замечает он. И оказывается прав: уже в 1954 году вполне безобидный спектакль Театра Комедии «Случай с гением» по легкомысленной пьесе классика советской литературы В.Катаева власти вдруг заподозрили «в антисоветчине» и со скандалом выбросили название из афиши.

В 1950-х годах Н.П. Акимов создал при театре литературное объединение, которое вскоре заявило о себе появлением ряда принципиально важных для театральной и общественной жизни спектаклей. Сатирическая комедия Д.Аля и Л.Ракова «...Опаснее врага» воссоздавала трудовые будни НИИ Кефира, захваченного врасплох паническими слухами о грядущей перестройке и изгнании из науки дураков и невежд. Солидные и молодые сотрудники «отделов заменителей пробки», «проектирования этикетирования», аспиранты, мечущиеся в выборе диссертационных тем между «Борьба за...» и «борьба против...», грозный кадровик, по привычке приглашающий сотрудников в кабинет гостеприимным «Введите...» – острогиперболизированные фигуры спектакля, оформленного Акимовым и поставленного с его участием Н.Лифшицем, развивали программную линию театра. Крайне значимой и актуальной стала фигура барственного директора института Допетровского (П.Панков), который, оценив конъюнктуру, принимал спасительное решение самолично возглавить кампанию, новаторский почин по добровольной сдаче служебных постов – «движение самосвалов»: «Ведь об этом в газетах будут писать! За это и наградить могут! Даже бюст водрузить могут!».

Авторитет Акимова определил направленность деятельности литературного объединения. Сатирический, иронический взгляд на действительность («Что скажут завтра», «...Опаснее врага» Д.Аля и Л.Ракова, «Кресло №16», Дм.Угрюмова и др.) сочетался с лирико-романтическими картинами жизни современной молодежи («Трехминутный разговор» В.Левидовой, «Звонок в пустую квартиру» М.Смирновой и М.Крайндель, «Ничего не случилось» М.Гиндина и Г.Рябкина и др). В жанре сатиры и комедии в прямой и иносказательной форме воссоздавалась жизнь определенного социального среза общества. Пьесы с успехом шли в театре и покоряли театральную периферию, к тому же защищали Акимова от потока «рекомендуемых к постановке» конъюнктурных пьес А.Софронова, А.Штейна, К.Финна и др. Их Акимов с безразличностью сторонился и заслонялся сценическим анекдотом, озорным водевилем, фарсом, в которых абсурдность некоторых узнаваемых черт современного общественного быта проглядывались

достаточно отчетливо. Драматургически-блекло выписанные фигуры Акимов преобразовывал в сценические характеры-маски и выстраивал из них, как опытный шахматист, увлекательные многофигурные композиции. Маски нередко кочевали из спектакля в спектакль, как в итальянской комедии дель-арте – небожитель-профессор, академик, его взбалмошная молодящаяся мещанка-супруга, предприимчивая домработница, бойкая дочь, не от мира сего начинающий ученый, шаржи случайных прохожих и пр. Глубокие характеры Акимову здесь были не нужны, он строил развлекательное зрелище из броских и всегда узнаваемых типажей, метафор, знаков, из едких, остроумных реприз и интермедий.

В 1962 году Куйбышевский райком партии посылает в Театр Комедии специальную проверочную комиссию. Акимов делает доклад «Путь театра Комедии», в котором вынужден защищаться от произвола чиновников властей. Он утверждает право своего театра на постановку европейской и русской комедийной классики, на современную советскую комедиографию: «Театр имеет свой жанровый уклон. Это ни в коей мере не должно приводить к тому, что каждый спектакль и все спектакли будут вызывать только безудержный смех в зрительном зале...». (6). Акимов обращает внимание собравшихся на новый выхлоп необоснованных цензурных запретов и санкционированного блокирования театра городской прессой. «Ленинградской правде» запрещено рецензировать премьеры театра, даже те, которые московские газеты и журналы восторженно отрецензировали.

Тем временем, новый дискриминационный виток проявляется со всей очевидностью. 10 апреля 1963 года газета «Вечерний Ленинград», описывая партийное в Театре Комедии, посвященное обсуждению «исторических встреч» руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, обращает внимание на то, что коммунисты театра, критикуя спектакль «Дракон», «свели выступления к общим декларациям, не проанализировав причин, породивших серьезную творческую неудачу коллектива. А причина одна: слепое преклонение перед авторитетом и непогрешимостью главного режиссера». (7). Вбить клин в отношения труппы и её руководителя на этот раз не удалось, но авторов новых «скандальных» пьес, рожденных в недрах Театра Комедии – «Опаснее врага» и «Что скажут завтра» членов партии Льва Ракова и Даниила Аля – всё-таки вызвали на «профилактическую беседу» в Москву, в ЦК КПСС, к заведующему отделом науки и культуры Д.А.Поликарпову...

Репертуарная ориентация Театра Комедии отражала суть мироощущения его руководителя. В «Деревья умирают стоя» А.Касоны, в «Призраках» Э. де Филиппо Акимов иронизировал над сентиментальным утешительством, милой на вид прелестью лукавого обмана. Лицедейство театральное разоблачало лицедейство в жизни, манерность, убожество духа, лживость намерений. В «Пестрых рассказах» по А.Чехову, в композиции по байроновскому «Дон Жуану» сконцентрировались творческие и этические концепции Акимова, его художественный и социальный опыт. Изобразительная щедрость -- игровая стихия, ирония, юмор, праздничность и сатирический сарказм -- были направлены на утверждение торжества талантливой независимой личности, отвергающей компромисс и приспособленчество. «Дон Жуан» решался как спектакль-концерт, в котором действенная линия главного героя комментируется чтецами – двумя актрисами и двумя актерами. Их прямые обращения к залу предполагали особую эмоциональную

открытость и насыщенность диалога. «Свой «хор», -- писал Д.Золотницкий, -- Акимов разбил на «голоса». Они то подхватывали, то перебивали друг друга, спорили или сливались. Стих, начатый одним чтецом с свирепым сарказмом, вдруг оборачивался лукавым вопросом в мечтательной фразировке его партнерши. Переданный третьему исполнителю, авторский голос добродушно подтрунивал над юным героем, над его подвигами, над самой фабулой поэмы. А рядом – прямота чувств и молодой пыл байронизма... Иногда чтецы делили обязанности с персонажами. В сцене кораблекрушения под свист ветра и грохот волн, Л.Колесов и А.Савостьянов вели некий эксцентричный репортаж о происходящем, кутаясь в плащи и прячась от дождя под черными зонтиками. А за ними, на носу тонущего корабля, метался дон Жуан. Потом доносились его громкие жалобы, и тогда уже Л.Колесов внизу, на просцениуме, беззвучно передразнивал стонающего героя... К веселости примешивалась грусть. Тут было немало самолично пережитого и передуманного для автора спектакля. В этом смысле спектакль мог показаться чуточку автобиографичным. Для Акимова он явился важным результатом творческих происков и неким итогом раздумий о жизни...» (8).

Режиссер-художник создавал и обустроивал зрительскую и читательскую среду, ориентированную на диалог, на собеседование, на единую систему ценностей, которая диктует особый тип взаимопонимания, восприятия, «соразмышления», мироощущения. Он говорил со зрителями со сцены, с трибуны, со страниц серьезных научных изданий и юмористических рубрик массовых газет и журналов, зрителю он адресовал театральные программки, буклеты, афиши, плакаты, макеты, выставленные в фойе театра, книги. Перед началом спектакля Акимов обычно стоял на лестничной площадке второго этажа, внимательно вглядывался в поток публики, иногда отвечая на приветствия знакомых. После третьего звонка, когда уже гас свет, он входил в зал и садился на «свой» стул около бокового прохода где-то за двенадцатым рядом – так, чтобы хорошо видеть и сцену, и зрителей.

Акимов помогал «провинциалу» Товстоногову адаптироваться в послевоенном Ленинграде, пристально и ревниво следил за его творчеством. В 1959 году он написал портрет Товстоногова, в 1962 году послал ему свою книгу «О театре» (см.9), сопроводив письмом: «Мне пришлось подарить довольно много экземпляров людям, которые хотели ее иметь, но в данном случае, наоборот, мне хочется, чтобы она у Вас была». (10).

...Тем временем популярность Товстоногова крепилась новыми спектаклями, толпами возбужденных зрителей у подъездов Театра им. Ленинского Комсомола, затем у Большого Драматического театра. Поклонники Акимова тоже с бою брали билеты в Новый театр и в Театр Комедии. Вслед за Н.Акимовым, Г.Товстоногов становится в Ленинграде знаковой фигурой. Оба заседают на разного рода симпозиумах, выступают в диспутах о путях развития науки, искусства, их книги и статьи имеют широкий отклик, они председательствуют на встречах с зарубежными общественными деятелями, участвуют в праздничных вечерах, юбилеях коллег, актерских капустниках и прочих «корпоративных» мероприятиях, с их мнениями считаются коллеги, их высоко чтит публика, к ним внимательно присматриваются власти.

Акимов и Товстоногов в партии не числились. Хотя должность руководителя театра предполагала неременную партийную принадлежность, для отдельных выдающихся мастеров допускались поблажки. Партийные режиссеры пытались использовать свое членство в КПСС для расширения творческого пространства – в Театре на Таганке Любимов угрожал «положить партбилет на стол», если ему не разрешат выпустить спектакль; чиновники угрожали Любимову тем же. Партийность -- знак особого доверия художнику и одновременно тяжелое бремя зависимости. Непокорность, своемыслие, нелояльность влекут разбирательство «персонального дела» – «в инстанциях», на собрании театра, на партбюро, «постановку на вид», выговор, строгий выговор, исключение из партии, увольнение из театра, запрет на профессию.

–Почему вы не в партии? – как-то спросил Н.П. Акимова молодой актер.

– Быть в одной партии с Бахрахом?! – засмеялся Акимов. Он назвал фамилию симпатичного администратора своего театра, известного однако своими нелепыми чудачествами. (11).

Другой мемуарист вспоминает диалог Акимова с приставленной к театру партийной дамой, бывшей сотрудницы горкома партии Шуваловой, занимавшей должность заведующей литературной частью.

–Николай Павлович, поступило распоряжение , чтобы мы с вами отчитались на Бюро райкома о работе театра. Давайте, чтобы не повторяться, договоримся, – кто из нас что будет говорить.

–Верно! – немедленно отреагировал Акимов. – Чтобы не повторяться, договоримся так: я буду говорить за советскую власть, а вы против». (12).

– Почему я не в партии? – переспросил московского гостя Товстоногов, сидя дома за чайным столом -- Ну, знаете! Чтобы какой-нибудь осветитель учил меня, как ставить спектакли?! (12).

Сокурсник Товстоногова по ГИТИСу режиссер Большого театра Б.А. Покровский вспоминал, как дельным советом помог другу уклониться от «членства». На гастролях в Америке в прямом телеэфире Покровского спросили, возможно ли, чтобы в СССР во главе театра находился не коммунист? «Я ответил, что я как раз пример такого беспартийного главного режиссера. Это произвело впечатление на журналистов. Об этой истории я и рассказал Гоге. Потом он мне рассказал, что при удобном случае ответил Романову (Г. Романов – первый секретарь Ленинградского ОК КПСС), что как беспартийный на важном идеологическом посту он особенно важен и что за рубежом это выглядит очень весомо. Романов подумал и... согласился с ним». (13).

Вождь ленинградских большевиков отступил от Товстоногова, но тем не менее упорствовал в стремлении украсить партийные ряды харизматическими персонами Большого драматического театра. Товстоногов вынужденно «сдавал» Смольному своих заупрямившихся «звезд», убеждая их «в пользу общего дела».

Механизм рекрутирования «в ряды» премьера труппы БДТ В.Стржельчика описан в посвященной ему книге. Главный инструмент – угрозы «инстанций», порождающие в душах художников беспокойство, ощущение непрочности, психологический дискомфорт, неуверенность, зависимость. Тревога и страх мучили подсознание и в конечном счете так или иначе, прямо или опосредованно, влияли на все срезы деятельности театра – на репертуарную политику, на творческий и психологический климат труппы, на повседневный репетиционный процесс. После того, как В.Ковель и В.Стржельчик побывали в церкви на отпевании жены своего друга, «их сильно потрясли в райкоме партии, -- рассказывает актриса М.Адашевская. – Он (В.Стржельчик) уже член КПСС был.

–А как его бес попутал вступить? Что это за поступок, как вы считаете?

–Может быть, боялся, что не состоится его карьера. Только не в плохом смысле. Он просто любил театр. А времена-то были те еще! Да, такой маразм был, что и не сильно можно было бояться...» (14).

Видимо, срабатывала «инерция оглядки», осторожности, боязнь формируемого властью «общественного мнения». Его ведь опасался и Товстоногов.

–...Не так просто тебе объяснить... -- размышляет жена В.Стржельчика, актриса БДТ Л.Шувалова. -- Его вызвал Романов, тогда первый секретарь обкома КПСС, его и художника Угарова, он был ректором Академии художеств, и просто сказал: «Нужно вступить в партию». «--Я подумаю». «--И думать нечего. Чтоб завтра было заявление».

Владик приходит в театр к Георгию Александровичу. «Георгий Александрович, вот такая ситуация... ---Ну подождите, Слава, надо посмотреть, что он (Г.Романов – Авт) может такого сделать?»

Не тут-то было. От Романова звонки директору театра: «Когда Стржельчик подаст заявление о приеме в партию?!». И директор начинает дергаться: «Владислав Игнатьевич, давайте, иначе нас так прижмут, что и костей не соберем». Был жив еще Толя Юфит (А.З.Юфит, друг Товстоногова, авторитетный театровед, профессор ЛГИТМиКа – Авт.) Он был членом партии. Владик к нему: «Толя, надо посоветоваться». Приходит Толя. «Что делать?» -- «Вступать». – «Зачем мне это?» -- «А почему ты считаешь, что в партии должны быть только подлецы? Нужны и порядочные люди. Ты меня считаешь подлецом?» «-- Господь с тобой! Ты что?». – «Так почему ты так относишься к этому? Вступи не потому, что он требует этого, а потому, что ты нужен партии. В этом деле нужны приличные и порядочные люди». Звонки в театр продолжались. И он подал заявление... Ты же понимаешь, что у него все уже было... Толя убедил его, что этим можно помочь людям». (15). (Примечательно, как осмысляются и чем обосновываются «мотивации» вступления в партию обеими сторонами).

Отношение ленинградского партийного руководства к Акимову и Товстоногову противоречиво и настороженно. Как замечает С.Юрский, своим для власти Товстоногов не был, но с его лидерством в художественной жизни Ленинграда ей приходилось

считаться. «Какое-то время был баланс между старшим классическим эстетом и формалистом Николаем Павловичем Акимовым и новым «классиком и фантазером» Товстоноговым. Но после смерти (в 1968 г. –Авт.) Николая Павловича молчаливо, но единогласно Товстоногов был избран единственным». (16). Оба талантливых художника, каждый по мере своих сил и возможностей, дистанцировались от начальства, но совсем игнорировать «барский гнев» как и «барскую любовь» было трудно, да практически и невозможно, хотя бы в силу очевидной экономической материальной зависимости – владельцами театров и идеологическими монополистами оставались партия и государство.

Власти хотели как-то уравнивать обоих художественных лидеров как в их «возвышении», так и в «унижении» – оба главные режиссеры, орденосцы, народные артисты СССР, (правда, Товстоногов еще и лауреат Сталинских, государственных и Ленинской премий, кавалер трех орденов Ленина, позже –Герой Социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР двух созывов). Обои одновременно предоставлены квартиры в новом элитном доме, специально построенном «для знатных людей Ленинграда» на Петровской набережной и получившем в народе название «Дворянское гнездо». Квартира Акимова размещалась над квартирой Товстоногова, довелось ему в ней прожить лишь год. (По иронии судьбы «гнездо» находилось рядом с музейным Домиком Петра Великого и с конструктивистским Домом Политкаторжан, печально знаменитом массовыми арестами его жильцов в 30-40-х годах).

Своеобразие дарований, как и «характеры и воля» у лидеров были во многом разные. «Я знаю немало театров, – вспоминал С.Юрский, – где в парткоме, в профкоме концентрировалась оппозиция главному режиссеру. Там оседали амбициозные и чаще всего не слишком одаренные люди. Сила Гоги была в том, что неодаренные театром просто отторгались, а амбиции он умел подавлять». (17). Акимову это удавалось в меньшей степени.

Со слов многолетней сподвижницы Товстоногова, заведующей литературной частью БДТ Д.Шварц известно, что питерские вожди ждали от Товстоногова большего усердия и даже как-то попытались «навесить» на него ярлык затаившегося диссидента и снять с руководства БДТ. Так Г.Романов предлагал премьеру театра коммунисту К.Лаврову преднамеренно спровоцировать в труппе конфликт, завотделом обкома партии Р.Николаев вызывал Товстоногова в Смольный и попрекал за порочную репертуарную линию – «Три мешка сорной пшеницы» В.Тендрякова, пьесы В.Шукшина, А.Гельмана, советовал подумать об уходе. Но, якобы, вскоре последовало строгое указание уже «высших московских инстанций» из столицы – «не разбрасываться ценными творческими кадрами».

Цензурный произвол в Ленинграде жестче, непредсказуемее и «точечнее» по своей направленности, чем в Москве. Вместе с тем запреты – об этом писал ещё Герцен – нередко способствовали поискам новых стилевых решений, побуждали художников вместе с публикой осваивать эзопов язык, распознавать «эквиваленты» смыслов, метафор, сленга, намеков, игры понятий, значений, интерпретаций. Причем зритель часто приглашался театром в соучастники. С.Юрский вспоминал, как под видом рабочих

репетиционных прогонов на сцене БДТ бесплатно показывали неразрешенный к выпуску спектакль “Цена” по пьесе “крамольного” американского драматурга А.Миллера: “Играли тайно, раз в две недели, чтоб спектакль не умер. А публика все ходила. И слухи о спектакле волнами расходились по всему городу и далее – в столицу. Это, кстати, типичный пример того, как во времена социализма запрет заменял все виды рекламы. Это было сильнее нынешних зазывных телероликов и ярких журнальных обложек. Народ доверял властям, доверял полностью их вкусу. Народ знал: плохое, всякую муру не запретят. Если они запретили – значит дело стоящее. Значит, хорошее. Они не ошибаются”. (18).

«Национальный вопрос» в театре «периода надлома» стоял в Ленинграде достаточно остро. Имя, отчество, фамилия актера, режиссера, драматурга, художника, композитора и в житейском обиходе, и на афише, на книжной обложке, на страницах журналов и газет, в устах конференсье не должно вызывать каких-либо этнических и иных двусмысленных предположений. «Реквизиты» автора должны звучать однозначно-мажорно, как знак нерушимой целостности процветающей советской культуры, единой в своих идейных установках, национальных по форме и социалистических по содержанию.

В 1960-х годах многие выпускники Ленинградского театрального института по совету опытных наставников меняли «неблагозвучные» фамилии на «общепринятые» так в труппу Ленинградского тюза пришли молодые актеры с уже «обновленными» фамилиями -- Ставрогин и Михайловский, в Большой Драматический театр -- режиссер Аксенов, в Театре им.Пушкина актер-дебютант назвался Катанским и т.д., и т.п. Когда А.Райкин принимал в труппу Ленинградского театра миниатюр талантливых одесских юмористов – М.Жванецкого, В.Ильченко и Р.Каца -- последнему предложили изменить фамилию на Карцева. Но и эти меры не успокаивали ревнителей «национальной чистоты» даже самых благополучных академических театров. Во время венгерских гастролей БДТ в ресторане фешенебельного отеля один актер громогласно заявил о засилье в труппе евреев и тотчас получил пощечину от ведущей актрисы Эммы Поповой, а премьеры труппы Е.Копелян и С.Юрский потребовали немедленной его высылки на родину -- в противном случае они сами покинут труппу. Скандалиста выдворили в Ленинград, где обком партии принял в нем живое участие -- перевел в Академический театр имени Пушкина, утвердил заместителем секретаря парторганизации, тем самым действительно укрепив ее ряды.

В «Холстомере» власти заподозрили Товстоногова в «пропаганде еврейства». «Инсценировку затребовали в «инстанции», чтобы проверить, есть ли слово «пегий» у Толстого или это театральная отсебятина, – вспоминает друг Товстоногова критик Н.Лордкипанидзе, – Пегий – значит особенный, не такой, как все, а кто не такие как все? Гадать не приходилось – евреи, а значит, таким образом, Товстоногов защищал евреев. И вообще, не еврей ли он сам». (19).

«Система воздействия» была жесткой. Она приучила Товстоногова предугадывать «набеги», уходить от ситуаций, провоцирующих партийное вмешательство, амортизировать возможные осложнения, работать «на опережение». Актеру БДТ М.Волкову – в ту пору Михаилу Вульффу -- Товстоногов категорично предложил сменить фамилию: «У нас театр называют синагогой. Меня – Гогой. Театр – синагога. Все

нормально, но я вас прошу – поменяйте...». Актер упрямылся, Товстоногов настоял. (20). –Вы собираетесь работать в БДТ под своей фамилией или возьмете псевдоним? – поинтересовались у Владимира Рецептера перед зачислением в труппу. Актер отказался от двусмысленного предложения, зрителю он уже был известен по столичным выступлениям в «Гамлете» на гастролях Ташкентского театра и популярен как начинающий поэт. Товстоногов сокрушался: «Ведь тогда всё будет гораздо легче...». (21). Что имелось в виду под «тогда», «всё», и «легче» оставалось только предполагать... Ленинградскую прописку? Оформление в штат? Запись в очередь на жилплощадь? Зарплату? Иные бытовые проблемы?

Когда О.Ефремов в московском «Современнике» решил ставить пьесу А.Галича «Матросская тишина», чиновники от культуры, как вспоминает артист «Современника» М.Козаков, всполошились: «Тридцать седьмой год, да еще герои пьесы – евреи, да еще молодой герой, скрипач Давид... И вот кому–то в голову пришла прекрасная мысль закрыть спектакль чужими руками. В зале присутствовали представители министерства культуры, партийное начальство из Горкома и Г.А.Товстоногов. Из своих, кроме Галича и Ефремова, никого. ... «Матросская тишина» была закрыта окончательно и бесповоротно, решение обжалованию не подлежало. Формулировку придумал, разумеется, Товстоногов: «Пьеса неплохая. Но молодые актеры «Современника» несостоятельны для решения такой сложной проблемы». (22).

На московских гастролях акимовского Театра Комедии перед спектаклем, в гримерке разгорелся скандал, спровоцированный антисемитской репликой. Бдительные чекисты – инцидент произошел за кулисами Кремлевского театра – предотвратили мордобой, спектакль прошел благополучно. Взбешенный Акимов в ответ на объяснения заявил: «Меня не интересует сюжет. Меня интересует место происшествия... В вашем возрасте уже пора знать, что Кремль не лучшее место для решения еврейского вопроса!». Один из участников описанного эпизода вспоминал, как сам пришел к Акимову с просьбой о псевдониме: «--Я начинал работать в Волковском театре, в Ярославле, и мне бы хотелось что-нибудь такое – «Волжский», «Волгин»...» Акимов ответил: «--Да, интересно. Но я бы лично Вам этого делать не советовал... Видите ли, нас с Вами уже знают как Милиндера». (23).

3

Первые спектакли Товстоногова в Большом Драматическом Театре, носившем тогда имя М.Горького -- французская комедия А.Жери «Шестой этаж», итальянская мелодрама А.Николаи «Синьор Марио пишет комедию», румынская «Безымянная звезда» М.Себастиану, и наконец, бесхитростная пьеса о советской студенческой молодежи «Когда цветет акация» Н.Винникова. Зал БДТ тут же заполнила молодежь, она и обеспечила успех премьерам – современный Запад, хоть и идеологически обличаемый, привлекал раскованностью буржуазных нравов, вызывающей бравадой героев. Веселые приключения, любовные интриги, музыка, песни, экстравагантные танцы, «нерекомендованные к распространению», студенческий наивный общежитийный быт... О спектакле «Синьор Марио пишет комедию» С.Юрский вспоминает как о броском «шлягерном» зрелище. «Публике нравилась необычность формы. И еще нравилась

непривычная тогда “заграничность” имен, костюмов, гримов. Нравились актеры. И еще нравился – тут уж придется похвастаться – еще нравился большой рок-н-ролл, который плясали мы с Валею Николаевой. Ах, какие распущенные дети были у синьора Марио – они не хотели учиться, они не хотели трудиться, они хотели иметь много денег и целый день танцевать рок-н-ролл. Весть об этой жуткой пляске глухо доносилась с развратного Запада (1958 год!), у нас на танцплощадках тоже пытались подрыгивать, хотя это строго запрещалось, но чтобы на сцене, в солидном театре, со всеми акробатическими “па” похабного танца... Впечатляло!” (24).

Однако пора обновления труппы и привлечения публики легковесным репертуаром вскоре сменилась становлением серьезного “театра размышления”. 1957 год – это философская притча об Эзопе «Лиса и виноград» Г. Фигейредо, инсценировка романа «Идиот» Ф. Достоевского с триумфальным дебютным выходом И. Смоктуновского, «Варвары» М. Горького. Товстоногов капитально реформировал театр, вовлекал в него новую аудиторию.

Очереди – распространенное явление тех лет; трудящиеся массы стояли за дефицитными продуктами, за подписными книжными изданиями, за новыми грампластинками, за обоями, за обувью, в летние месяцы – за железнодорожными и авиабилетами, за велосипедами, за курортными путевками, за автомобилем “Москвич”. В Но в ночных очередях столь же упорно стояли и за билетами на фестивальные фильмы, на спектакли приезжих театров, на вернисажи, на гастрольные выступления эстрадных и филармонических звезд, В очередях возникали своеобразные очаги неформального общения, складывались сообщества “по интересам” -- книголюбов, кинолюбителей, фанатов авторской песни, филателистов, филуменистов, автолюбителей, туристов... Клан зрителей БДТ был представительным и авторитетным в культурной среде не только Ленинграда: ажиотаж сопутствовал театру и на гастролях. Связи с “иностранцами” поклонниками театр ценил: приезжим по предъявлении командировочного удостоверения всегда предоставлялась специальная бронь.

Товстоногов не был сторонником разного рода «внеспектакльных» встреч с аудиторией, зрительских конференций и пр., но суждениями публики интересовался. Он любил повторять, что концепцию спектаклей режиссер изначально находит в зрительном зале – просто надо эту потребность угадать. В интервью журналу “Театр” в начале 1980-х годов Товстоногов сказал об этом более развернуто: «Я – за активно творящего зрителя, то есть за того, кто в театре будет не просто созерцать. “Развлечение—учение” – это отнюдь не идиллическое двуединство уже многие психологи, социологи, искусствоведы признали как идеальную форму взаимоотношений в театре, потому что в глубинах зрительского восприятия кроется некая закономерность, обусловленная самой природой театрального зрелища... Духовная работа зрителя на спектакле – это его эмоциональная и умственная активность. Но естественно, такая активность зависит от нас... Я беру зрителя в союзники, чтобы показать ему общественное явление, противоречия современной жизни, предлагаю поразмыслить о том, не зависит ли что-то и от него самого в действительности, которая его окружает. Его реакция – это ответ на мои собственные сомнения, мысли и чувства в процессе творчества”. (25).

Большой Драматический театр и в самом деле открывал зрителю новые пространства мысли, сопереживания, интеллектуального партнерства, расширял поле социальных и художественных обобщений. Потoki энергии зала и сцены, напряженное соучастие обогащали сценический сюжет богатыми иносказаниями, подтекстом, возможностью широких интерпретаций.

Театр времен “оттепели” расширил духовное поле существования человека, открыл ему возможности смены социальных ролей, выхода из закреплённой внешними служебными, житейскими обстоятельствами функций. Пространство коммуникативных связей расширилось, а собственная значимость, свое “место в жизни” переоценивались и осмыслились в новом преобразующем, психологическом и действенном качестве. В пьесах А.Володина “Пять вечеров”, в “Моей старшей сестре” Товстоногов открыл неожиданные перспективы интенсивного и доступного для многих пути развития индивидуального сознания, становления целостной индивидуальности в новой ценностной системе. Жизнь “рядового человека”, увиденная и осмысленная А.Володиным, В.Розовым, Л.Зориным, А.Арбузовым давала повод режиссеру вместе со зрителем многопланово и глубоко анализировать сложные коллизии бытия. Обновляя БДТ, Товстоногов считал главной своей художественной и гражданской задачей выход к значимым социально-психологическим обобщениям, опровержение привычного инерционного видения повседневных событий, уход от банальных постановочных и актерских накатанных штампов.

Товстоногов художественной и социальной интуицией остро чувствовал “температуру зала” и умел заразить исполнителей ролей интеллектуальной и эмоциональной энергетикой, пластической метафорой, оснастить их богатством выразительных средств. Это были “мысли вслух”, произносимые, казалось бы, сугубо “для себя”, но точно улавливаемые аудиторией. Это были пламенные диалоги партнеров-противников, в которых зритель неизбежно оказывался перед выбором собственной нравственной оценки. Иногда герой своим сокрушительным темпераментом сносил условно разделяющую зал “четвертую стену” и обращался к зрителю напрямую – с пламенным монологом, с призывом к пониманию, к сочувствию, с исповедническим откровением. Понятие “поколение” Товстоногов расширил в своих хронологических и демографических рамках. В БДТ интеллигенция, молодежь, широкая “разночинная” публика в своих реакциях практически никак не расслаивалась, Товстоногов объединял ее точным социально-психологическим осознанием, гражданским, этическим единомыслием, сопричастностью к своему времени. Прочтение любой пьесы – классической, зарубежной, отечественной драмы, публицистики, комедии, водевиля всегда таило в себе высокий накал “момента истины”, проживаемого “сегодня, здесь, сейчас”. Потому брехтовская “Карьера Артуро Уи” в постановке польского режиссера Эрвина Аксера так остро воспринималась залом в дни гибели Джона Кеннеди, а пламенный монолог С.Юрского в роли Чацкого метафорически озвучивал снятый цензурой пушкинский эпиграф к спектаклю – “Догадал меня черт родиться в России с умом и талантом!”

Ощущая поддержку аудитории, авторитетных драматургов, критиков, Товстоногов не касался весьма острых тем. Так, в интерпретации «Ревизора» он показал тотальную подверженность страху, исходящего государственной системой и ломающего психику

людей, независимо от чинов, званий и положений. А в спектакле, поставленном по прозе М.Салтыкова-Щедрина на сцене «Современника» «Балалайки и Ко» Товстоногов вывел на столичные подмостки узнаваемые типы либеральных интеллигентов, готовых добродетельно выполнять предписания властей и даже в сговоре с полицией сохранять «опрятность чувств». В «Истории лошади», поставленной в 1975 году в Большом Драматическом театре по «Холстомеру» Л.Толстого, право сильного толковалось как трагическая неизбежность существования и, по общему признанию, стала кульминацией творчества режиссера.

Модели «выживания» каждый художник использовал свои. Когда Хрущеву доложили о том, что товстоноговская премьера «Горя от ума» в БДТ прошла с высвеченным на портале сцены вызывающим эпиграфом, а Акимов восстановил шварцевского «Дракона». Из Москвы прибыл секретарь ЦК КПСС по идеологии Л.Ильичев. В Смольном созвали экстренное совещание творческой интеллигенции с требованием покаянных речей. Товстоногов начал выступление яркой метафорой: «У нас весна не по календарю началась, а с выступления Никиты Сергеевича». В результате «Горе от ума» разрешили при условии изъятия эпиграфа и замены С.Юрского в роли Чацкого актером В.Рецептером.

В «Римской комедии» Л.Зорина повествовалось о непростых отношениях писателей Диона и Сервилия с капризным императором Домицианом, что могло вызвать у зрителей нежелательные аллюзии. В Москве пьеса уже имела цензурное разрешение – под названием «Дион» она шла в Московском театре им.Евг.Вахтангова, -- но сценическая интерпретация Г.Товстоногова бдительным контролерам показалась идеологически сомнительной. « -- А как вам кажется, -- вопрошал на обсуждении спектакля приехавший из Москвы начальник отдела театров Министерства культуры РСФСР Ф.Евсеев, -- не звучит ли здесь тема противопоставления искусства и власти? То, что было в Риме меня мало волнует, но в пьесе есть такая фраза – Бен-Захария говорит вслед ушедшему Диону: «Они хотят быть независимыми».(26). Авторитетным московским и ленинградским критикам не удалось отстоять спектакль, неожиданно от его защиты уклонился и сам Товстоногов.

Компромисс опасен. Убрав пушкинский эпиграф с «Горя от ума» и сняв Юрского с роли Чацкого, Товстоногов погубил спектакль. В ситуации с запретом «Римской комедии» у Товстоногова, как полагает Э.Радзинский, оставалось два пути: «Первый -- безумный: Сыграть Георгия Товстоногова, кумира тогдашнего театрального мира, и отказаться исполнять требования.. И второй – наш, обычный, то есть разумный: подумать о будущем своего театра, о том, что впереди еще много чего, и сыграть другого Товстоногова – лауреата Ленинской и Государственной премий. То есть остаться сидеть на коленях у власти и снять спектакль.... И он снял». (27).

Критик А.Смелянский ставит поступок Товстоногова в жесткий житейский и социокультурный временной контекст: «Товстоногова не прельщали лавры Таганки. Скандалов он избегал, театр аллюзий его, в сущности, не интересовал, он занимался работами «глубокого бурения».... Сервилий взял верх в душе режиссера: он разрешил закрыть свой спектакль и даже не попытался извлечь из этой истории необходимых

моральных дивидендов: все свершилось в тишине. Вскоре режиссера выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, а его театр поехал в Париж с новой редакцией «Идиота»... Он работал в государственном театре, был канонизирован при жизни этим же государством и страшно боялся потерять свое официальное положение". (28). Здесь уместно напомнить и о газете «Правда» за 24 января 1974 года, которая поместила письмо Товстоногова «На руку врагам мира», осуждающее антисоветскую деятельность А.Солженицына. (29).

В отношениях с властью Товстоногов избрал тактику «баланса интересов». Это равновесие стоило дорого – за все надо платить. «Долгая и муторная работа над «Целиной» (инсценировка «Поднятой целины» М.Шолохова. – Авт.) дала какую-то репертуарно-идеологическую прочность театру, – вспоминает ученик Товстоногова режиссер В.Голиков. – Тогда это было обязательным уменьем руководителей театров. За счет какого-нибудь «датского спектакля» – спектакля к дате – обеспечить на какое-то время остойчивость руководимому кораблю и направить его какой-нибудь интересный рейс. ... Мой принос в спектакль состоял в нахождении цитаты Ленина для ночных политзанятий Давыдова-Лаврова. Если меня чему-нибудь и научила «Целина», то искусству репертуарного лавирования». (30).

Товстоногов тяготел к масштабной форме массовых представлений и не отказывался от постановки разного рода празднеств. На стадионе имени Кирова в 1957 году показал праздничное шоу, посвященное 250-летию Петербурга-Ленинграда, на набережных Невы у Петропавловской крепости и на стрелке Васильевского Острова ставил развернутые представления, посвященные фестивалю искусств «Белые ночи». В 1960 году к 90-летию В.И.Ленина Товстоногов осуществил помпезный спектакль «Самый человечный человек», спустя десять лет он открыл в театре Малую сцену пьесой М.Еремина и Л.Виноградова «Защитник Ульянов» с Кириллом Лавровым в главной роли. В том же году в Большом Концертном зале «Октябрьский» к 70-летию Ленина Товстоногов подготовил правительственный театрализованный концерт.

Телефонные разговоры в квартирах многих известных людей прослушивались. Так спецслужбы засекли «криминальный тост» Сергея Юрского на прощальном вечере у филолога Ефима Эткинда, уезжавшего за границу. Артисту тут же закрыли доступ на телевидение и концертные подмостки. Партийные власти поставили об этом в известность Товстоногова с предупреждением: не вмешиваться. «Странное дело, – сетовал Товстоногов киносценаристу Анатолию Гребневу – Пока я не был депутатом и в любой момент мог быть подвергнут досмотру на таможне, я плевал на них и из каждой поездки привозил книги, всё, что хотел... А теперь, когда я лицо неприкосновенное, депутат Верховного Совета, и, казалось бы, ни одна собака не полезет ко мне в чемодан, – вот тут-то я стал бояться: а вдруг?... И перестал возить... А раньше – не боялся... Вы наивный человек, если думаете, что эти люди когда-нибудь отдадут власть... Вы видели нашего Романова? Только на портретах? А Толстикова, его предшественника? Какая к черту диктатура пролетариата, это диктатура мешчанства, что может быть страшнее!» «Да, он балансировал, – размышляет А.Гребнев. – ... Он вел свое дело – строил свой театр с тонким лукавым расчетом, зная, где и как уступить и какую взять за это цену. Власть наша, как ревнивая жена, требовала постоянных уверений в любви и клятв в верности, и

он, как и многие из нас, знал эту слабость и играл на ней, как мог... Где та тонкая грань, за которой осторожный компромисс оборачивается сделкой с дьяволом? Рано или поздно наступает момент, когда грань стерта; жизнь ставит тебя перед жестким выбором. Многие испытали это на себе». (31).

В конце 1962 года в обстановке секретности, «в узком кругу» состоялась читка пьесы А.Володина «Назначение». В.Голиков хотел понять, почему спектакль так и не состоялся: «Не знаю. Не потому, что запретили. Нет. Сам Г.А. (Товстоногов. – Авт) не решился. Может быть, это пример мудрой осторожности. Может быть, постыдной трусости. Не знаю. Прав он или нет, судить не могу. Не знаю тогдашней конъюнктуры». (32). Не видя реальной перспективы, Володин передал свою пьесу в театр Акимова. Там на репетиционном прогоне Лямина выразительно сыграл молодой артист В.Никитенко, но до спектакля дело не дошло: вмешались смольнинские уполномоченные. Беседы с А.Солженицыным и намерение поставить его пьесу дорого обошлись Акимову, как и нежелание ставить к «красным» календарным датам юбилейные спектакли. Случалось, что актеры Театра Комедии – П.Панков, Н.Трофимов, З.Шарко – уходили в труппу к Товстоногову. Акимов никого не удерживал, хотя на прощание сказал Зинаиде Шарко: «Ну, что же. Если хочешь всю жизнь ходить под красными знаменами и петь революционные песни, то иди, благословляю». (33).

«Вскоре будет закрыт «Дион» с Юрским («Римская комедия»). – вспоминает В.Голиков. – И тут же Г.А. станет депутатом Верховного Совета СССР. Шахматы. Жертва фигуры и приобретение нового качества. Какого? Сверхосторожность в ведении дел тоже один из уроков мастера». (34).

С уходом из жизни Акимова Товстоногов обрел в Ленинграде положение монополиста. Он управлял ситуацией не только в БДТ, он освобождался от потенциальных конкурентов, даже если это были его собственные ученики. Он регулировал театральную жизнь города, по сути дела назначая и перемещая по своему усмотрению режиссеров в ленинградских труппах. Он нервничал в ожидании обещанной ему высшей награды – звания Героя Социалистического труда. «В причудливом рисунке отношений с властью это могло иметь для него какое-то значение», – полагает А.Гребнев. (35).

Роль и положение Товстоногова в художественной жизни 1950-80-х годов точно охарактеризовал В.Голиков: «Г.А. – это создатель нового БДТ, одного из главных театров страны, определивших послекультурное время. Г.А. – это теоретик, ясно изложивший и развивший систему великого путаники К.С. (Станиславского. – Авт.). Г.А. – это основатель товстоноговского направления в режиссуре, которое плодоносит и сегодня, пуская новые ипобегии в будущее. Действительно, человек-глыба. Но человек, с человеческими слабостями и недостатками. Впрочем, иных людей и не бывает. Почти». (36).

4

Игровая, развлекательная природа театра для Акимова безусловна. Отсюда парадокс, гротеск, интеллектуальные параллели, образные столкновения, загадочные символы,

знаки, сочетания. Мир осваивается через ироническую игру, остроумный прием, парадоксальное сопоставление. Акимову категорически неприемлемо однозначное понимание воздействия искусства на публику агитпроповской дидактикой схематичного «положительного» или «отрицательного примера. Он обращается к эмоциональному, чувственному, интеллектуальному зрительскому опыту, к развитой интуиции публики. В стремлении опираться на активную энергетику зала проявлялись мировоззрение, демократизм режиссера.

Акимов исходил из конкретной социологической преамбулы – люди, которые ходят в театр, уже включены в широкий круг социально-художественного общения посредством кино, телевидения, газет, журналов, книг, они учатся в вузах, служат в учреждениях, работают на производстве. «А мы почему-то продолжаем охранять некоего выдуманного нами зрителя, якобы неспособного разобраться в происходящем на сцене без назойливого авторского и режиссерского поучения. Мы подозреваем взрослых советских людей, посещающих театры, в безудержном стремлении к нелепым обобщениям. Если в пьесе один врач оказывается подлецом, то возникает боязнь, что зритель будет подозревать, что все врачи подлецы... Нужно якобы все время свидетельствовать о своем оптимизме, а то мол, зрители заподозрят нас в желании породить горестные чувства. Больные на сцене не должны умирать, а то зрители могут подумать, что мы все умрем». (37).

Модель театра Акимова предполагала проблемный и жанровый отбор драматургии, комедийную стилистику сценической интерпретации, четкие и ясные отношения с публикой. Акимов не принял западной моды на коммерческо-прагматическую организацию зрелища, на «портативный спектакль»: «Мы рискуем превратить современный театр в некую эстетическую забегаловку... Спектакль без антрактов или с одним антрактом – это урезанные спектакли, в театр надо ходить не только для того, чтобы смотреть на сцену, но и для того, чтобы общаться в антрактах друг с другом. Театр – это место встреч, место для общения... Он создает общее настроение, вызванное данным спектаклем, во время которого связи между людьми могут особенно ярко вспыхнуть и расцвести». (38).

В 1950-х гг. Акимов совместно с архитектором Е.Быковым и инженером И.Мальциным подготовили экспериментальный проект нового Театра Комедии. Авторы демонстрируют выход на новые конструктивные принципы решения сценического и зрительского пространства, и, в конечном счете, широкое осмысление перспектив сценического искусства. «Сцена расположится вокруг зрительного зала. На кольце шириной в пять метров смогут разместиться сразу все декорации... (Нечто подобное предполагал осуществить Мейерхольд в своем новом театре, позднее перестроенном в Концертный зал им. Чайковского. – Авт.). В таком здании можно использовать всю современную театральную технику, ... взять все лучшее, что есть в современном театре» (39). Акимов предполагал открыть театр спектаклем «Евгений Онегин» с музыкой Д.Шостаковича. В 1968 году началось проектирование здания на Московском проспекте, но со смертью Акимова все работы прекратились.

Сам весьма щепетильно относящийся к успеху у публики – об этой черте характера Акимова пишет многие годы сотрудничавший с ним драматург Евгений Шварц -- он, тем

не менее, не шел на поводу у моды и потому критически и ревниво оценивал театральную жизнь, не боясь прослыть ретроградом. Для себя Акимов установил закон – совершать открытия «по первому разу». Вторичность сценических решений опасна тем, что вводит в заблуждение неискушенную публику, провозглашает мнимое новаторство, создает вокруг нездоровый ажиотаж, смещает истинную систему ценностей. Акимов едва ли не первый заявил о необходимости реабилитировать Вс.Мейерхольда и стремился охранить его наследие от набегов коллег. «Наша театральная деятельность переполнена открытиями по второму разу. Если взять Театр на Таганке в Москве, то он весь живет по этому принципу. Великий режиссер Мейерхольд оставил столько открытий, по настоящему не подмеченных, не развитых, не обыгранных, что на несколько поколений хватит для такой умеренной, тихой торговли этими открытиями. А эта торговля идет очень бойко, очень хорошо. И вот что получается: те, кто не видел спектаклей Мейерхольда, воспринимают эти «открытия» по первому разу. На хорошей памяти основаны многие режиссерские карьеры. Фантазия заменяется памятью. Выгодная вещь». (40).

В 1966 году Акимов выступил на академическом симпозиуме «Искусство и современный научный прогресс». Его доклад "Театр, техника, наука" вобрал в себя совокупность серьезных проблем – современная сценическая техника и её стимулирующее влияние в развитии театральной эстетики, образности; значение семантического аппарата критики и искусствоведения, динамично меняющаяся роль публики в современном театральном процессе, положение театра в условиях тотального влияния СМИ, изучение зрительского восприятия, художественного спроса и предложения, проблемы управления театральным делом и др. Намек на цензурно-идеологический произвол, от которого наука может защитить художника, прозвучал в выступлении Акимова достаточно внятно: "Зритель этого не примет!", "Зрителю это не интересно!", "Зритель это превратно истолкует!" – часто слышится на обсуждении спектакля... За последние годы широкое хождение получили и совершенно вольные догадки об ассоциациях, рождающихся в зрительских мозгах в момент того или иного действия или при звучании на сцене того или иного текста. Эта новейшая практика могла бы порадовать глубиной проникновения в психологию зрительного зала, но поскольку такое исследование производится без всякого привлечения научного наблюдения, оно может поведать лишь об ассоциациях, возникших персонально в голове того, кто такое предположение высказывает». (41).

Принцип Акимова – сразу покорить зрителя своей сценической эстетикой – музыкальной увертюрой, оформлением сцены, гримом, костюмом. Первые дружные аплодисменты в зале раздавались сразу после поднятия занавеса: публика восторженно реагировала на сценографию Акимова. В строгом отборе и сочетании отдельных элементов формировался стиль акимовских спектаклей. Смысловая направленность стиля направлена на раскрытие характера. Примитивный, убогий «винтик-исполнитель» -- сигнал социального неблагополучия. В утверждении яркой индивидуальности носителя справедливости, добра и красоты Акимов видел своего героя, он апеллировал к «возрожденческим» общегуманистическим идеалам, воссоздаваемых всеми средствами и красками своей художественной палитры, в сказочно-фантастических метафорических выражениях которой прочитывались узнаваемые реалии. Многого стоят, например, гиперболизированные конные скульптурные статуи великих вождей и полководцев,

воздвигнутых на площадях и улицах средневековых сказочных городов, или просматривающаяся сквозь окно смещенная проекция памятника Николаю 1 на Исаакиевской площади в спектакле «Тени» по Щедрину.

Актерские, декоративные, музыкальные, световые детали несут у Акимова отчетливые социальные характеристики. В конечном счете, совокупность сценических красок, создаваемая Акимовым в содружестве с переводчиками М.Лозинским и Т.Гнедич, драматургами Е.Шварцем, В.Шкваркиным, Д.Угрюмовым, Д.Алем, Л.Раковым, В.Левидовой, с композиторами Д.Шостаковичем и А.Животовым, наконец, с великими с классиками стала своего рода системой метафор, образов, характеров, выражавшей духовные ценности именно интеллигентской субкультуры, и именно она выражала скрытую оппозицию режиму, несогласие с ним. Эта система складывалась на сцене и выплескивалась в зрительный зал, определяла его отбор, формировала состав аудитории, устанавливала взаимопонимание, диалог, укрепляла коммуникативные связи. По существу Акимов консолидировал, сплачивал сообщество интеллигенции, привносил в него мировоззренческое, эстетическое, нравственное единство, чувство профессиональной, духовной, кастовой, если хотите, корпоративности. Акимов стал выразителем взглядов интеллигенции, так как сам выстраивал стратегию жизни на ее идеалах. В театре Акимова доминировала атмосфера осознанного ценностного значения личности с присущим кодексом чести, достоинства, этической брезгливостью ко лжи, пошлости, престижем духовной независимости, наконец, чувством юмора, артистизма, готовности к импровизации, к интеллектуальной игре.

Упрек П.Маркова Акимову, высказанный в 1932 году в критическом отзыве на «Гамлета», относительно «неверной» иронической направленности», Акимов игнорировал. Ирония как способ художественного и личностного самовыражения сопровождала Акимова всю жизнь. Он продолжал иронизировать над властью, угнетающей личность, над ее кичливой глупостью и чванством, он утверждал человека носителем духовной свободы и социальной справедливости. Комедийный эффект Акимов находил в обнажении здравого смысла, логики жизни, в показе абсурдности абсолюта порядка. Как человек, как художник, Акимов не принимал характерной для начала века психологической неустойчивости, раздробленного, двойственного мироощущения. Акимовский герой всегда находится в сложной коллизии – под угрозой тотальной социализации, нивелировки он утверждает в своем индивидуальном сознании. По сути дела, это парадигма жизни самого Акимова, отстаивавшем себя как личность, в праве на собственное место в современном культурно-историческом пространстве. Конфликтность сценического персонажа, противоречия времени, трагикомичность внутреннего дискомфорта сочетается с гармонией интуитивного и рационального, составляет неповторимость акимовского стиля.

Проблема стиля интересовала Акимова не только применительно к себе, но в большой степени и к своим сценическим героям – в этом смысле каждый из них может считаться носителем определенной и весьма четкой стилевой характеристики. Власть и человек власти всегда вызывали у Акимова иронию, сарказм, становились поводом для социального гротеска и политической буффонады. Носитель власти противопоставлен носителю справедливости и добра и свободы. Герой с кодексом чести выступает на фоне

зла с верой в гуманное жизнеустройство мира. В восприятии публики акимовского театра бюрократизм, черствость, косность проявляют себя в сферах этических, как и трусость, равнодушие, компромиссность, они обретают социальное наполнение. Акимов был оптимистом, но оптимизировал не жизнь – она подчас достаточно мрачна и была к нему жестока – а отношение к жизни.

Упреки Акимову в космополитизме, в формализме, в пропаганде «буржуазных ценностей», а вернее ценностей общечеловеческих, гуманистических, не так уж безосновательны. Другое дело, что в советских условиях они превращались в политические обвинения и ярлыки, потому ради выживания Акимову приходилось объяснять -- он, конечно, убежденный реалист, но реализм в его понимании не убогая догма и дубина в борьбе с инакомыслием, а широкое поле творчества. Впрочем, в рамках своего театра понятие «единомыслия» понималось Акимовым как собственное единоначалие и совмещение в себе художника, режиссера, мыслителя и идеолога театра.

Акимов тяготел к европейскому театру, но при этом не слепо подчинялся ему целиком. Ему было присуще космополитическое мышление, он не замыкался какой-либо национальной драматургией, а свободно чувствовал себя в ее планетарном массиве, в испанской драме, в английской комедии, во французском и русском водевиле, в современном западном детективе. Высоко ценимая Акимовым шварцевская сказка, трансформировавшая Андерсена и Шамиссо, тоже корнями уходит в западную культуру. Акимов с Лозинским и Шварцем наперекор времени создавал интеллигентный и интеллектуальный театр -- задолго до того, когда он пришел к нам с Запада. В 1950-60-х гг., он принял Э.Ионеско, А.Касону, Э.де Филиппо, но отверг Б.Брехта, С.Беккета, не боясь идти против моды. Стилевое единство Акимова в том, что преувеличением, гротеском, условностью приема заострял, подчеркивал реальное жизненное содержание и тем самым сближал современную западную драматургию с аудиторией своего театра. Художник широчайшей эрудиции и безукоризненного вкуса, воспитания, Акимов легко ощущал себя в разных сферах художественной культуры. Евгений Шварц без оговорок называл его человеком Возрождения. Тонкий знаток искусства, его теоретик и практик – Акимов связал своим творчеством и энциклопедическим кругозором отечественную дореволюционную и советскую, европейскую и восточную культуру. Акимов заявил о себе как режиссер, сценограф, живописец, график, критик, публицист, теоретик искусства, педагог, общественный деятель, организатор театрального дела, автор архитектурных театральных проектов, книг, статей, научных работ.

Галерея портретов современников, друзей, единомышленников, и тех, с кем он полемизировал, создавалась с 1920-х годов. . Она впечатляет не только количеством -- ученица Акимова М.Азизян полагает, что имеется около 800 портретных работ. Поражает художественный масштаб, интеллектуальная мощь, нравственная значимость портретируемых фигур, насыщенность культурной среды в которой жил Акимов. Здесь М.Лозинский, Е.Шварц, М.Зощенко, К.Голейзовский, И.Соллертинский, Г.Козинцев, С.Юткевич, Г.Уланова, Б.Сушкевич, Н.Эрдман, Д.Шостакович, В.Каверин, И.Андронников, Б.Хайкин, А.Арбузов, Л.Орлова, И.Гошева, В.Марецкая, Д.Пристли, Н.Петров, Б.Щукин, Ю.Шапорин, А.Брянцев, А.Горюнов, А.Афиногенов, Д.Аль, Л.Раков,

А.Володин, О.Берггольц, Г.Товстоногов, Е.Мравинский, А.Райкин, Т.Гнедич, Л.Вивьен, Ф.Раневская, драматурги, режиссеры, ученые, художники, актеры.

Когда в 1961 году было широковещательно объявлено, что в соответствии с новой партийной программой нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме и в газетах, на митингах, на ТВ общественность с ликованием обсуждала волнующую новость, Акимов прямо по существу вопроса не высказался, однако в «Литературной газете» поделился своими «Мыслями о прекрасном»: «В искусстве планы никогда не совпадают с итогами. Задача точно запланировать будущие достижения искусства также невыполнима, как попытки вступающих в жизнь сначала написать мемуары, а потом жить по ним».(42). «Мысли», касались, разумеется, только «прекрасного», но некоторый скептицизм относительно «запрограммированного счастья» расслышать было нетрудно... В той же рубрике Акимов изящно обошелся и с марксистско-ленинской эстетикой: «Если бы наряду с точными науками» у нас была бы узаконена область «неточных наук», – первое место в ней по праву бы заняла эстетика". (43).

С властями, как и с «театральной общественностью» отношения были во все времена деловыми, корректными, и всегда дистанцированными. «Как вы думаете, – спросил однажды Акимов собеседника, – почему начальство любит меня больше, чем Товстоногова? – И ответил: – Потому что он сегодня ставит «Поднятую целину», а завтра вдруг ошарашивает их «Римской комедией» И они теряются в догадках, кто же он... Со мной проще, они знают, что я всегда против. А они любят однозначность». (44).

Независимость и смелость Акимова поражала даже близких друзей. В пору изгнания из Театра Комедии Акимов оформлял у Райкина спектакль по сценарию Шварца. Спектакль запрещали, этому решительно воспротивился Акимов. «Во многом обязаны мы были презрительной и заносчивой храбрости, с которой обращался Акимов с приезжим начальством, -- вспоминал Шварц. -- . Его ругали при каждом удобном случае за формализм, а он держался с начальством как власть имеющий». А Райкин вспоминал акимовскую «черную шутку». Когда в самый разгар «ленинградского дела» вокруг начались массовые аресты, Акимов спросил Райкина: «Неужели, Аркадий, мы с тобой такое дерьмо, что нас до сих пор не посадили?». (45). Успехом у публики, отношениями с интеллигенцией Акимов очень дорожил, на генеральные репетиции приглашал студентов и ветеранов сцены, сам часто выступал в творческих союзах, в научных собраниях. В январе 1968 года, в преддверии чехословацкой оккупации, в Институте прикладной химии состоялась встреча. Не обошлось без провокаций: Акимова спросили, что он думает о процессе над правозащитниками Галансковым и Гинзбургом. Акимов ответил: «Кто-то хотел бы получить физиологическое удовольствие, хотел бы чтобы я кое-что сказал вслух. Я думаю, что мы с вами хорошо понимаем друг друга и так». (46).

Н.П.Акимов покинул мир, листая новый роман Ж.Сименона, в номере гостиницы «Пекин». Напротив, в помещении Театра Сатиры триумфально шли спектакли Театра Комедии. Акимову недавно исполнилось 67 лет. Режиссер К.Гинкас вспоминал: «Товстоногов выступал на гражданской панихиде. «Часть его ленинградской жизни прошла... в некоей борьбе с Николаем Павловичем, – пишет режиссер К. Гинкас. –

Собственно, Товстоногов его вытеснил. До войны и после нее Акимов был Богом в Ленинграде. Это значит, что для Товстоногова с его смертью закончился определенный этап биографии. А понимать, что это рубеж, прощаться с прошлым, думаю, грустно. Вот такие ощущения у меня остались от вида Товстоногова, стоящего у гроба Акимова». (47).

7 сентября 1968 года «Вечерний Ленинград» опубликовал некролог Акимову «Рыцарь театра», подписанный Товстоноговым....(48).

В начале сезона Товстоногов пришел вошел в репетиционный зал БДТ, первыми его словами были: «Встаньте! Умер Николай Павлович Акимов».

...Георгий Александрович Товстоногов скончался 8 мая 1989 года, спустя 21 год после смерти Николая Павловича Акимова, возвращаясь в машине из театра домой, в возрасте 73 лет.

Теперь Ленинградский Академический Театр Комедии носит имя своего основателя Н.П.Акимова, Ленинградскому Академическому Большому драматическому театру присвоено имя Г.А.Товстоногова...

5

Мера и степень политического ангажирования, способы выживания и сопротивления Товстоногова и Акимова существенно различались. Товстоногов первые двадцать лет своего ленинградского бытия жил в явном и скрытом сопряжении с деятельностью Акимова. Обоим запрещали спектакли, как готовые, так и зреющие в замыслах. Оба хотели ставить «Назначение» А.Володина, Акимов намеревался сотрудничать с А.Солженицыным, Товстоногов думал о «Мастере и Маргарите» М.Булгакова, о «Докторе Живаго» Б.Пастернака, о «Закате» И.Бабея... Не разрешили.

Акимов как личность и как художник формировался на рубеже 1910-20-х годов, Товстоногов в 1930-40х – различие существенное. В 1950-60-х они «пересеклись», имея разный «поколенческий», социальный, художественный и профессиональный опыт –, разные культурные корни, наконец, совсем непохожие характеры и жизненные установки. Они не стремились к тесным и, тем более, к дружеским отношениям, они профессионально были, безусловно, интересны друг другу и в противодействии «начальству» им случалось объединять свои усилия. В 1967 году они отправились в Смольный спасать спектакль Театра им. Ленсовета «Мистерия-буфф» московского режиссера П.Фоменко. Акция успеха не имела – спектакль запретили. Товстоногов защищал спектакли Акимова от критиканских выплесков своих студентов – он берег честь и достоинство профессии и ценил авторитет Акимова, хотя и не принимал его сценическую лексику.

Товстоногов упорно не соглашался ставить навязываемую Реперткомом бездарную драматургию А.Софронова («литературного палача», как называл его К.Симонов). На коллегии Министерства культуры он говорил о несоответствии стилистике его пьес эстетике БДТ и обещал любую талантливую пьесу Софронова, если таковая родится,

принять к постановке. Акимов от Софронова, как и от «заказных» юбилейных спектаклей, заслонялся ссылкой на комедийную специфику труппы и продуктивную деятельность созданного им литературного объединения.

Поддерживать БДТ приезжали известные столичные критики и театроведы – П.Марков, А.Свободин, К.Рудницкий, Ю.Рыбаков, И.Соловьева, Е.Полякова, В.Саппак. К ленинградским «экспертам» Товстоногов относился с пристрастием и подозрительностью, порицал за слишком сдержанные, по его мнению, отзывы, за недостаточную почтительность наделял прозвищами – «городской Калмановский». Преданная мэтру питерская критикесса Р.Беньяш и даже москвич А.Свободин тоже на время – в назидание другим – отлучались от театра. Акимов до «фильтрации критиков» не опускался, о Театре Комедии писали театроведы и журналисты самого разного калибра, от начинающих до мэтров.

Товстоногов современной западной драматургией не увлекался, хотя в афише БДТ время от времени появлялись пьесы А.Миллера, Ю.О*Нила, А.Баранги, И.Эркена... После триумфальных гастролей немецкого театра «Берлинер Ансамбль» с Эрнстом Бушем и Еленой Вайгель Товстоногов пригласил польского режиссера Эрвина Аксера поставить «Карьеру Артуро Уи, которой могло и не быть» Бертольта Брехта. Спектакль шел несколько сезонов в блистательном исполнении Е.Лебедева, С.Юрского, В.Стржельчика В.Полицеймако и др. Позже окрыленный успехом Э.Аксер предлагал театру авангардистскую пьесу Томаса Бернхардта «Тот, кто делает», «В ожидании Годо» С.Беккета и даже намечал распределение ролей, но Товстоногов уклонился от дальнейшего сотрудничества.

Акимов – убежденный «западник». Ф.Дюренматт и Де Филиппо приезжали в Театр Комедии на премьеры своих спектаклей. Драматургию Б.Брехта Акимов считал слишком политизированной. Акимов оставался поклонником английской, испанской, французской, итальянской комедии, озорного водевиля и изящной мелодрамы. Незадолго до кончины театр «Комеди-Франсез» пригласил Акимова в качестве художника-постановщика «Свадьбы Кречинского» А.Сухова-Кобылина. «Спектакль получается, по-моему хороший, – сообщал он друзьям в Ленинград. – ... 26 октября делаю в Парижском университете доклад о Шварце и Советском театре». (49).

Поединок художника и власти явно или подспудно несет с собой риски и последствия для обеих сторон. Власть растлевает художника пряником и угрожает кулаком, но и художники расшатывают идеологическую монополию власти, вносят смятение и разлад в сознание номенклатурных чиновников. Авторитет в массах власть укрепляет, приближая к себе харизматические фигуры «любимцев публики», «звезд», предлагая видеть в них своих искренних единомышленников, преданных единоверцев. Властным персонам льстит близость к художнику, возможность оказаться «своим» в «мире искусства», «советчиком», «вершителем судеб», судьей, ценителем и даже соучастником художественного процесса, другом-покровителем талантливого мастера. Художникам подчас тоже выгодно привлечь «колеблющихся», «закомплексованных» чиновников на свою сторону. Так Ефремов в пору его руководства «Современником» нашел покровителя в лице министра культуры Фурцевой, благодаря которой театру

удавалось выпускать спектакли, минуя цензурные разрешения. Евтушенко защищал Таганку в письмах Брежневу, Любимов «телефонно» общался с Андроповым, Захаров вдохновенно описывал человеческие и политические добродетели Горбачева, Ельцина, Лужкова... Демагогия, лукавство, лесть шли в ход, когда надо было спасти спектакль, театр, труппу. Таковы были способы выживания, достижения творческого и зрительского успеха -- ими в разной мере и стилевой манере владели многие художники. Прекрасный тезис «жить не по лжи» в реальных условиях часто оказывался неконструктивным. Акимов «держал удар» изящным сарказмом, язвительной иронией, Любимов отвечал стремительной неотразимой напористостью и хваткой, Товстоногов заслонялся весомостью здравых рассуждений, календарными юбилейными премьерами, подписывал разного рода письма и декларации.

Деятельность каждого художника регламентирована совокупностью политических, идеологических, экономических, эстетических, этических, субкультурных факторов. В ситуациях кризиса поведение художника определялось не только «прекрасными порывами души», высоким полетом фантазии, смелого эксперимента; социальный надлом оборачивался вынужденным компромиссом, депрессией, творческим крахом, а подчас и крушением репутации. Система ценностей испытывалась на прочность, подвергалась пересмотру, образуя неожиданные сочетания, порождая подчас рискованные стилевые и этические сопряжения и коллизии.

Власть целенаправленно внедряла в мироощущение масс и отдельного человека идею тотального патернализма. Советский человек в неоплатном долгу – у Родины, у партии, у государства, наконец, у трудового коллектива. В таком самоощущении «вечнообязанного» ему предлагалось обрести истинное счастье и духовное благополучие. Таков был фундаментальный норматив отношений частного человека и общества, гражданина и государства, Художника и Власти. В 20-е годы он приветствовался многими «мастерами культуры»: Маяковский, как известно, призывал Сталина делать доклады об искусстве и поручать художникам программные задания: власть тотальна, она владеет истиной и знает, что государству, народу, обществу нужно и что не нужно, и потому на любой замысел художнику должно нижайше испрашивать разрешение.

В сфере сценического искусства зависимость художника от власти возрастает многократно, ибо советский театр как художественно-производственный организм административно, экономически и идеологически целиком подчинен государству. Индивидуальные замыслы и идеи драматурга, режиссера, композитора, сценографа, исполнителя могут быть воплощены и представлены на суд публики, общества, той же власти только в уже состоявшемся «коллективном продукте» – в спектакле: его создание и эксплуатация авансированы затраченными государственными средствами, его судьба зависит от труднопредсказуемых волеизъявлений уполномоченных чиновников, «товарищей из центра» и «товарищей на местах». Между тем художник в силу природы своего мировидения и мировосприятия ищет индивидуального, субъективного творческого самовыражения. Власть укрепляет устойчивость повседневной жизни унифицированными предписаниями. Усилия художника, движимого постижением истины, идеала, направлены на разоблачение доминирующей в обществе мифологии. В поисках многообразия, «цветущей сложности», интерпретации жизни художник часто

непредсказуем, выходит за рамки официальных нормативов в пространство несанкционированной свободы, чем и вызывает недовольство покровителей.

«Время БДТ – особое, и Товстоногов соответствовал этому времени, – вспоминает режиссер Кама Гинкас спустя почти двадцать лет после смерти учителя. – БДТ был театром с тоталитарным режимом, только надо к этому относиться спокойно. Не с фашистским, не со сталинским, а с тоталитарным. «Добровольная диктатура», по известному определению Товстоногова. Или своеобразная монархия. Его обожали как Сталина, его боялись как Сталина, опасались как Сталина, слушались как Сталина, шли за ним как за Сталиным и плакали после смерти так же. Я нарочно резко говорю. Конечно, это не так. Это усугубление. Тем не менее, он был воспитан в определенное время. Да и театр был еще из тех времен». (50).

Писатель Д.А.Гранин вспоминал о встречах с Товстоноговым, незадолго до его кончины. «Мы жили с Георгием Александровичем рядом, и однажды, когда мы шли вместе домой, он мне сказал: «Вы знаете, я их боюсь»... Мы говорили о жизни, о том, кому как удавалось оставаться самим собой. О покаянии. О раскаянии. О твердости человеческой. Он сказал: «У меня была одна вещь, в которой я горько раскаиваюсь. Это – постановка пьесы о Сталине, за которую я получил Сталинскую премию... Вы знаете, я хочу отказаться от этой премии. Я хочу послать ее вместе со значком и написать письмо, что я отказываюсь от этой премии. Она не дает мне покоя». Я думаю, что, если бы не смерть, – продолжает рассуждать Гранин, – он бы это сделал. Это был грех в его режиссерской биографии, о котором он не мог забыть». (51).

Художник часто упирается в альтернативу: нравственность или целесообразность, но в конечном счете, вопрос для него не в том, нравственна ли власть и ее политика. Вопрос в том, нравственен ли человек, добровольно или вынужденно занимающийся политикой и состоящий при власти. Каждая сторона предлагает свой социальный норматив и настаивает на его приоритете.

Установки интеллигентов-«шестидесятников» точно охарактеризованы в исповеднических суждениях 1997 года известного публициста и общественного деятеля А.Бовина: «Не скрою, и мне часто хочется оглянуться назад, вспомнить прошлое, даже побывать в нем. Ведь я вступил в партию, когда мне еще не исполнилось 22 года (после XX съезда, «берлинских», «венгерских» и «польских» протестных событий — Авт.). Не потому, что думал о карьере, а потому, что вокруг меня хорошие люди были коммунистами. И не только носил партийный билет, но чувствовал себя коммунистом — где бы ни работал, старался работать с полной отдачей, на совесть. И когда был народным судьей, и когда работал консультантом ЦК КПСС, и когда почти двадцать лет подписывал свои статьи «политический обозреватель «Известий». Иногда тяжело приходилось. Наступал на горло собственной песне. Никогда не прощу себе, что я – хотя и трепыхался иногда в качестве либерала или, скажем, демократа – все же принадлежал к тому большинству, молчание, послушание которого в конечном счете привело всех нас к катастрофе». (52).

Когда в 1957 году ЦК КПСС исключил из партии так называемую «антипартийную группу» Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова, родился анекдот: беспартийные товарищи дружно обратились в Центральный Комитет с горячей просьбой оставить гнусных перерожденцев в партии, чтобы не засорять ими ряды беспартийных.

В 1991 году после изъятия из Конституции страны пункта 6 – о руководящей роли КПСС – начался массовый выход трудящихся из партийных рядов. Телехроника, газеты, журналы многократно публиковали фото подъезда ЦК на Старой площади и ступени, засыпанные рваными затоптанными партийными билетами. Вклад в развернувшуюся кампанию внес и коммунист с 20-летним стажем режиссер Театра им. Ленинского Комсомола Марк Захаров: в прямом телеэфире на глазах у изумленной публики он сжег в пепельнице свой партийный билет. Это неординарное эстрадно-цирковое антре по дерзкому замыслу его исполнителя, вероятно, следовало воспринимать как акт публичного покаяния, освобождения от груза прошлого, как искреннюю готовность начать жизнь с начала, с чистого листа. Оно, безусловно, произвело большое, но неоднозначное впечатление на аудиторию: у одних возникло желание громогласно продемонстрировать свою беспартийность как некий «мандат на порядочность», чуть ли не граничащую с диссидентством: на нас, мол, «давили», но мы стойко сопротивлялись, не шли на компромисс. На этом шумном фон у какой-то части совестливых партийцев вдруг обнаружился некий «комплекс вины» – за формальную причастность к большевистскому режиму.

Не следует становиться ортодоксальными судьями в этом деликатном вопросе. Существовал единый нерушимый «блок коммунистов и беспартийных», в этом блоке и на «мандат порядочности», и на «мандат соглашательства» так или иначе могли претендовать многие, если не все. От того, что Захаров, Ефремов, Любимов состояли в партии, а Эфрос, Товстоногов, Акимов в ней не числились, мало что менялось, и беспартийность как таковая, по большому счету, не делала их независимыми. Как и принадлежность к партии, так и беспартийность – лишь штрих в их гражданской и творческой судьбе, а власть идеологического отдела ЦК и его структур, произвол и каприз вождей тотально распространялась на всех. В судьбе художника, в спасении театра от гибели решающую роль играли талант, ум, воля, нравственная репутация художника, избранная стратегия и тактика, умение, оставаясь самим собой, «выигрывать раунд» у лукавого и сильного противника...

Литература

1. Золотницкий Д. Ленинградские театры // Очерки русского советского драматического театра: В 3-х т. М., 1954-1956-1961. Т.3. С. 441.
2. Акимов Н.П. Театральное наследие. В 2-х тт. Л., 1976. Т.2. С. 193-194.
3. См.: Панкин Б.Д. Четыре «Я» Константина Симонова. М., 1999. С. 183-184.

4. Акимов – это Акимов! С. 226-227.
5. Там же, стр. 220.
6. Там же, с.294-295.
7. Подводя итоги. // Вечерний Ленинград, 1963, 10 апреля.С.3.
8. Золотницкий Д. За живой и мертвой водой //Режиссура в пути. Л.,1968, С.207-208.
9. См. Акимов Н.П. О театре. Л.-М., 1962.
10. Н.П.Акимов – Г.А.Товстоногову // Георгий Товстоногов. СобираТЕЛЬНЫЙ портрет. Воспоминания, публикации, письма. СПб, 2006. С.506.
11. Коковкин С. Перевернутый мир // Московский наблюдатель, 1991. С.58.
12. Гребнев А. Рядом с Товстоноговым // Георгий Товстоногов. СобираТЕЛЬНЫЙ портрет. С.112.
13. Покровский Борис. Я общаюсь с ним. // Георгий Товстоногов. С.227.
14. Толубеев Андрей. В поисках Стржельчика. Роман-интервью о жизни и смерти артиста. СПб-М., 2008. С.362-363.
15. Там же. С. 69-70.
16. Юрский С. Игра в жизнь. М., 2005. С. 214.
17. Там же. С. 209.
18. Там же. С. 121.
19. Лордкипанидзе Н. «Искусство не учит как поступать» // Георгий Товстоногов. С.205.
20. Толубеев Андрей. В поисках Стржельчика. С.205.
21. Рецептер В. Прощай, БДТ!. СПб, 1999.С.18.
22. Козаков М. Актерская книга. М., 1995. С.97.
23. Милиндер Л. Чему нас учил Акимов. // Н.П.Акимов – художник, режиссер, театральный деятель. СПб, 2001. С. 66.
24. Юрский С. Там же. С,119.

- 25 Цит. по: Дмитриевский В. Театр уж полон...Зритель и сцена глазами социолога и театрального критика. Л., 1982. С. 133-134.
- 26.Премьеры Товстоногова. М., 1994. С. 172.
27. Радзинский Э.С. Моя театральная жизнь. М., 2007. С. 124.
28. Смелянский А. Предлагаемые обстоятельства. М., 1999.С. 67.
29. Товстоногов Г. На руку врагам мира. // Правда, 1974, 24 января.
30. Голиков В. Портрет без ретуши. // Георгий Товстоногов. С.84
31. Гребнев А. Рядом с Товстоноговым // Там же. С.с. 112-115.
32. Голиков В. // Там же. С.94.
33. Шарко З. Мое счастье. // Георгий Товстоногов. Собираемый портрет. С.349.
34. Голиков В. // Там же. С. 99.
35. Гребнев А. Рядом с Товстоноговым. // Там же. С. 111.
36. Голиков В. Там же. С.101.
37. Акимов Н.П. Театральное наследие. В 2-х тт. Л., 1976. Т.1. С. 91.
38. Там же. С. 90.
39. Там же. С. 119.
40. Там же. С.271.
41. Там же. Т.1. С.121-122
42. Акимов Н.П. Не только о театре. Л.-М., 1969. С., 319.
43. Там же. С. 59.
44. Фрезинский Б. Акимов и власть. // Невское время, 1998, 5 сентября.С.3.
45. Райкин А. Воспоминания. СПб, 1993. С.86.
46. Фрезинский Б. Там же. С.3.
47. Гинкас К., Яновская Г. Театр с тоталитарным режимом. // Георгий Товстоногов. С.66.

48. Товстоногов Г. Рыцарь театра// Вечерний Ленинград, 1968, 7 сентября. С.4.
49. Акимов – это Акимов! С. 167.
50. Гинкас К., Яновская Г. Театр с тоталитарным режимом // Там же. С.68.
51. Памяти Г.А.Товстоногова. Незаменяемость. // Театр, 1989, № 12. Сс.144-145.
52. Бовин А. Президент должен соответствовать калибру страны. // Известия, 1996, 15 июня. С. 2.

**

XXVIII. «Игорь Кон: Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 году...» – Б. Докторов

Включение 98. Б. Докторов – Д. Шалину

10.21.2011

Дима, я надеюсь, ты в форме и при кураже.. нам нельзя иначе.. Андрей переслал тебе текст Виталия Дмитриевского.. думается мне, по многим основаниям содержание этого материала – очень для нас.. обращаю твое внимание на манеру, тон рассмотрения Виталием сложных отношений «сотрудничества–противостояния» художника и власти.. пожалуйста, расположи на МБИ и мой текст по письмам Игоря Кона.. если ты допускаешь большой объем Протокола, то включи и этот материал в него.. всего,

Боря

Борис Докторов

ИГОРЬ КОН: Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ВЕЛИКИМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ ПРОСТО ЗАБЫЛ УМЕРЕТЬ В 1989 ГОДУ

(Из переписки с И.С. Коном)

В начале 1968 года меня познакомил с Игорем Семеновичем Коном (1928-2011) мой давний приятель-физик, слушавший его знаменитые лекции по психологии личности. Тогда я окончил аспирантуру математико-механического факультета ЛГУ, имел опыт обработки результатов психологических исследований и всюду искал работу. Кон пригласил меня на семинар в руководимый им сектор, на котором обсуждалась программа проекта В.А. Ядова по ценностным ориентациям. Так стремительно начала раскручиваться траектория моего профессионального определения, через несколько

недель я «стал социологом». Потом были встречи с Коном в Ленинграде, а после моего отъезда в Америку я пару раз заходил к нему домой на ул. Вавилова.

1 мая 2011 года я оказался в Москве. Планируя поездку, я думал встретиться с Коном или хотя бы позвонить ему. Но задуманная встреча оказалась прощанием.

Недолгая траурная церемония проходила недалеко от дома, в котором жил Кон, на той же улице Вавилова. В своем завещании Кон просил не устраивать поминок, но все же после кремации человек 30-35, знавших его в течение многих лет, собрались в кафе, чтобы поделиться воспоминаниями о нем...

Коном сделано очень много для развития ряда наук о человеке и обществе, и можно не сомневаться в том, что его работы еще многие годы будут изучаться социологами и историками, педагогами и культурологами. Отношение к Кону как ученому и личности уже стало своеобразным тестом на порядочность и широту кругозора говорящих о нем. Но в целом, судьба его наследия будет определяться тем, в какой мере российское научное сообщество и общество в целом готовы прислушаться к тому, что им было написано, и к принятию той системы ценностей, значимость которой он отстаивал в течение нескольких десятилетий.

Настоящий биографический очерк дополняет, развивает ранее опубликованные заметки [1, 2] и сделан в пока что редком, не освоенном в отечественной историко-биографической литературе жанре – эпистолярном. Думаю, что знакомство с содержанием и стилем писем Кона поможет лучше понять его отношение к своему делу и его внутренний мир. Замечу, корреспондентом он был замечательным, он ценил возможности электронной почты и умел пользоваться ими.

В моем архиве первое письмо от Кона датировано 29 декабря 2004 года, но, скорее всего, переписка началась несколькими месяцами раньше. В то время я начинал изучать историю современной российской социологии и обращение к Кону за помощью было естественным.

28 апреля 2005 года, заканчивая большое интервью с Ядовым, я попросил Кона прокомментировать ядовскую фразу: «Когда Игорь Кон обратил меня в социолога...» 1. Я спросил Кона, почему он предложил окунуться в социологию Ядову, ведь рядом были не менее опытные молодые философы. Через несколько дней я получил письмо от Кона о том, что он потерял часть почты из-за спама, и 11 мая я переправил ему мое письмо повторно. Он сразу откликнулся очень обстоятельным рассказом о том, как все было, и эта часть его письма была опубликована как дополнение к беседе с Ядовым².

Информация, которую сообщил Кон, весьма значима для понимания некоторых деталей «второго рождения» социологии в СССР, поэтому прежде всего я приведу сказанное им.

И.С.Кон, 11 мая 2005 года

Ядов не совсем точно излагает это дело. Книга Гуда и Хатта³ лично для меня никакого значения не имела. Я вообще никогда специально не интересовался методами, да и самую книгу я сразу же по ее получении отдал ребятам, они вернули мне через много месяцев.

Что социология – эмпирическая наука, я знал давно. В книге «Позитивизм в социологии» (1964)⁴ и предшествующих ей статьях, печатавшихся с 1962 г., я фактически написал историю социологии как науки, всех классиков социологии я так или иначе читал и излагал. Самого меня интересовала прежде всего историческая социология. Но на меня произвела сильное впечатление статья Пруденского⁵ в «Коммунисте» о свободном времени. Я подумал, что чем-то в этом роде можно и нужно заниматься и у нас (политическую социологию в СССР я считал абсолютно невозможной) и посоветовал Володе этим заняться, потому что считал его очень способным человеком, хотя наши отношения начались со стычки. Однако он в это время был еще «чистым философом» и сказал, что эта тема и вообще эмпирия кажется ему мелковатой.

Я не спорил. Но я твердо знал, что в ближайшее время эмпирическая социология у нас все равно появится, и потому заранее заказал через книжный отдел АН учебник, который считал лучшим. Как доктор наук, я имел право ежегодно выписывать себе за свои деньги несколько иностранных книг. Валюты, конечно, было мало, а цены казались очень высокими. Но я пользовался не только собственным лимитом, но и использовал еще лимит Тугаринова⁶, Резникова⁷, Попова⁸ и еще кого-то (профессора-философы иностранных книг не читали, а деньги я платил свои).

Тем временем Рожин⁹ пробил создание социологической лаборатории, Ядов стал ее заведующим и это изменило его интересы. И как раз к открытию их лаборатории я получил книгу Гуда и Хатта и сразу же, не читая, отдал ее ребятам, среди которых был и мой аспирант Эдик Беляев¹⁰. Они немедленно начали ее осваивать, и это существенно облегчило их собственный старт. Моя заслуга лишь в том, что я раньше других понял необходимость эмпирической социологии, выписал нужную книгу и не был собакой на сене, а отдал ее тем, кому она была реально нужна. Позже то же самое было с социальной психологией. Я купил учебник Креча и Крачфилда¹¹ (лучшего учебника ни по одному предмету я в жизни не видел), освоил его сам, выучил по нему Диму Шалина¹², заказал (в это время нас уже снабжали книгами американцы) второй экземпляр для Ядова, после чего мы с ним ни с одним мальчишкой всерьез не разговаривали, пока он не проработает эту книгу. Потому наши ребята и были грамотнее других молодых социологов, которые учебников толком не читали, а искали интересующие их сюжеты по предметному указателю, не понимая, что они не всегда адекватны.

Был в этом письме и ответ Кона на другой мой вопрос, относящийся к середине 60-х годов, когда Б.Д. Парыгин¹³ завершал работу над своей докторской диссертацией¹⁴ по обоснованию статуса социальной психологии. Я ссылаясь на наш давний разговор с Коном, в котором он говорил о том, что он и Ядов помогали Парыгину в завершении его диссертации, и спрашивал: «Не пора ли поведать эту историю?» Эта часть письма Кона ранее не публиковалась:

Мне самому не хочется этим заниматься. Хотя к своему юбилею Парыгин опубликовал в журнале «Очень» комичную статью, где рассказывает, как его травили за то, что он был «лидером международного ревизионизма»¹⁵. У Ядова есть этот журнал, попросите его сканировать эту статью, это сказка. У меня нет секретарской помощи, поэтому сам я это сделать не могу.

Парыгину помогал не я, а только Володя, причем начиная с кандидатской. У него была тема «Ленин об общественных настроениях»¹⁶. Я лично ничего против него не имел, но когда работа дошла до обсуждения на кафедре, я сказал, что монтировать концепцию из обрывков вырванных из контекста ленинских цитат нельзя. Его руководитель А.Г. Ковалев¹⁷ с этим согласился, и диссертация Парыгина повисла. После этого Ядов помог ему написать приличный текст, после чего Парыгин быстро пошел в гору, отплатив за это Ядову целой серией подлостей. Особенно после того, как Ядов взял его к себе в ИСЭП¹⁸. Лично мне он ничего плохого не делал, просто не было возможностей. Попросите у Ядова этот его текст, честное слово, он уникален.

В моем письме от 28 апреля была и третья тема: я сообщал Кону, что получил и в ближайшее время прочитаю главу из его книги «Сексуальная культура в России» (2-е издание)¹⁹. В сопровождавшем главу письме Кон писал: «Это самый смелый поступок в моей жизни». Мой комментарий был таким: «Конечно, в России надо иметь мужество, чтобы написать в заголовке серьезной книги “сексуальная”, и надо обладать мужеством, чтобы в заголовке книги было слово “культура”. Два этих слова – двойное мужество».

Теперь приведу замечание Кона:

Борис, в этом названии нет ни малейшей смелости. Такую книгу я уже издавал. Смелость в том, что я публично выступаю против поповщины, которая стала у нас официальной государственной идеологией, и почти никто не смеет против нее выступать. Причем это не политический привесок, а концепция. Но чтобы это понять, Вам пришлось бы прочитать всю книгу, и особенно историческую часть. Мне кажется, у нас никто не читал даже Ключевского.

Комментарии:

1. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №3. С. 2-11; Часть 2. 2005. №4. С. 2-10.
2. Дополнение И.С. Кона // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №3. С. 11.
3. Goode W.J., Hutt P.K. Methods in Social Research. New York: McGraw-Hill, 1952.
4. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Исторические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ. 1964.
5. Пруденский Герман Александрович (1904–1967), экономист.

6. Тугаринов Василий Петрович (1898-1978), философ.
7. Резников Лазарь Осипович (1905-1970), философ.
8. Попов Александр Иванович (1899-1973), философ.
9. Рожин Василий Павлович (1908–1986), философ.
10. Беляев Эдуард Викторович, в то время – аспирант И.С. Кона, профессор Колумбийского Университета, США.
11. Krech D., Crutchfield R.S. Elements of Psychology. New York: 1958
12. Шалин Дмитрий Николаевич, студент и аспирант И.С. Кона, профессор социологии Университета штата Невада, США.
13. Парыгин Борис Дмитриевич, доктор философских наук, профессор
14. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. (Вопросы истории, методологии и истории). Автореферат дисс. на соискание учен. степени д-ра философ. наук. Л.: ЛГУ. 1967.
15. Интервью с Б. Д. Парыгиным // Очень (Петербург). 2005. № 4, январь
<http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/parygin.html>.
16. Парыгин Б.Д. В.И. Ленин о формировании настроения масс. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата философ. наук. Л.: ЛГУ. 1961.
17. Ковалев Александр Григорьевич (1913-2004).
18. Институт социально-экономических проблем АН СССР, Петербург (Ленинград)
19. Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. 2 изд. М.: Айрис Пресс, 2005.
Вскоре моя переписка с Коном стала регулярной. К сожалению, не все его и свои послания я сохранил, но и сейчас в специальном файле моего электронного почтового ящика находится свыше 450 единиц хранения: это письма Кона мне и мои ему. Конечно, содержание переписки, прежде всего, «производственное», но одновременно затрагивались и другие темы. Публикуемые ниже письма Кона отражают некоторые грани его отношения к своей работе и к процессу изучения недавнего прошлого нашей социологии.
- Многое в переписке носило доверительный, конфиденциальный характер и по ряду соображений, не требующих особого разъяснения, не может быть – во всяком случае сейчас – опубликовано. Поэтому в приводимых текстах я счел возможным убрать

некоторые фрагменты. Очевидно, что в личных письмах одновременно затрагиваются разные темы, в силу этого их сложно классифицировать по содержанию; проще упорядочить их хронологически.

Кон И.С. 29 декабря 2004 года

Дорогой Борис,

Счастливого Нового года и всего самого лучшего!

Насчет личных материалов я совершенно согласен, но у меня много текущей работы. Только что вышла новая «Сексология»¹ и сдается в печать новая "Клубничка"², которая очень не понравится РПЦ. Впрочем, либералам и демократам тоже – я прямо сказал, что я о них думаю (см. приложение).

На этом я с проблемами сексуальности окончательно покончил. Как только пройдет затяжная сезонная депрессия, начну писать книгу «Мальчик – отец мужчины»³. Не исключено, что напишу статью о том, как в России уже построили полицейское государство, но пока не решил.

Жму руку
И.К.

Комментарии:

2. Кон И. С. Сексология. М.: Академия. 2004.

3. Кон И. С. Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2009.

И.С. Кон, 6 сентября 2005 года

Дорогой Борис,

получил книгу, прочитал главу о Грушине¹ – просто замечательно написано! Поздравляю! Цитаты о дружбе при случае использую. Жаль, что не знал их, когда переиздавал свою «Дружбу»². Другой возможности, боюсь, не будет.

Июль провел в Канаде, получил свою Золотую медаль.

Здесь маляк быстро крепчает.

Вот уже месяц не могу обновить свой сайт, телефон вебмастера не отвечает. То ли у них долгие каникулы, то ли сайт незаметно прикрыли, никого не известив. Сегодня начал размещать важнейшую информацию (о Монреальской декларации) на Gau.ru и на харьковском гендерном сайте. Посмотрим, что будет дальше. В принципе можно все

разместить на гей.ру, но обычный читатель туда не пойдет, а я пишу не только и не столько для геев. Мой сайт, как и работу, никто не финансировал.

<...>А потом целиком переключусь на книгу «Мальчик – отец мужчины», которая мне гораздо интереснее политики.

Жму руку.
ИК

Комментарии:

1. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005.

2. Кон И. С. Дружба — 4-е издание, доп.. СПб.: Питер, 2005.

И.С. Кон, 10 января 2007 года

<...> На мой взгляд, каждый человек имеет право на субъективность своих воспоминаний, которые могут противоречить друг другу и тем не менее публиковаться под одной обложкой. Например, прочитав сборник памяти Бовина¹, я с удивлением узнал, что Арбатов² и Бурлацкий³ всегда были врагами. Ну, и что? Я им не судья.

<...> Я специально просмотрел свои статьи в "Философском словаре" и не нашел в них ничего сервильного.

А если говорить о статье "Социология", то она была написана вопреки Руткевичу⁴, который даже послал в БСЭ официальное письмо с требованием не печатать Кона, но там его проигнорировали. Покойный Ланда⁵ гордился тем, что Руткевичу за все время его директорства БСЭ заказала одну-единственную статью – «Руткевич М.Н.».

Для меня это была лишняя обуза, но советские друзья-социологи давили на меня, что нельзя отдавать врагу позиции, даже если время плохое. А <...>, выросшему в атмосфере свободного самовыражения, естественно, непонятно, что статья в советской энциклопедии не может быть только выражением собственного мнения автора...

<...> В своем тексте я старался вспоминать положительное и избегать негативных личных оценок. Конечно, это самоцензура. Но это лучше, чем бросать тень на покойников и сводить старые личные счеты, которые давно уже никого не интересуют. Несколько лет назад нас с Левадой⁶ поразили враждебно-завистливые строки Ю.Н. Давыдова⁷, но нам даже в голову не пришло вступать с ним в спор.

Мало ли что старикам мерещится?

А главное, в чем я не согласен со Шляпом⁸, это критерий оценки. Значение советской социологии определяется не тем, насколько она соответствовала или не соответствовала

американским критериям научности (которые с тех пор радикально изменились), а тем, как эта работа воспринималась и какие последствия имела здесь. Идеи были важнее методов. Впрочем, обсуждать это неинтересно.

Жму руку
Игорь

PS. Вот, занялся с утра неделом и потерял рабочий день.

Комментарии:

1. Бовин Александр Евгеньевич (1930-2004), политический обозреватель.
2. Арбатов Георгий Аркадьевич, историк, политолог.
3. Бурлацкий Федор Михайлович, социолог, политолог.
4. Ланда Наум Моисеевич (1928—1998), один из ответственных редакторов «Большой Советской Энциклопедии».
5. Руткевич Михаил Николаевич (1917-2009), философ, социолог.
6. Левада Юрий Александрович (1930-2006), социолог.
7. Давыдов Юрий Николаевич (1929-2007), социолог
8. Шляпентох Владимир Эммануилович

И.С. Кон, 20 января 2007 года

<...> Эти мемуары в дальнейшем действительно пригодятся, но не ретроспективным сведением личных счетов, а рассказом о том, как шла работа, почему был фунт лиха, бытовыми деталями, интеллектуальными интересами. В свое время абсолютно о каждом говорили, что он стукач. Что из этого было правдой, можно будет узнать в архивах КГБ. Но обвинять людей только по слухам неправильно. Я где-то рассказывал, как меня учил терпимости М.И. Мишин¹, просидевший 20 лет.

<...> На мой взгляд, неудачная статья² не может быть основой оценки автора в целом. Мало ли что мы говорим под влиянием настроения; интервью в этом смысле жанр опасный <...> Но у него есть хорошие книги, и по-человечески он многим людям делал добро. Хотя ученые могут порой вести себя, как на базаре, научное сообщество не должно уподобляться коммунальной кухне. Впрочем, такое бывает не только у нас. Старики народ обидчивый.

Жму руку
Игорь

Комментарий:

1. М.И. Мишин – доцент ЛГУ.

2. Здесь И.С. Кон защищает одного из социологов от критики другого; каждого из них он знал десятки лет.

И.С. Кон, 20 января 2007 года

<...> Борис1 – человек совершенно исключительный по порядочности и надежности. Так было всегда. <...>

Я вчера звонил Ядову, он чувствует себя много лучше, чем до больницы.

21-26 января я буду в Стокгольме (объяснять шведам, почему Россия вымрет от СПИДа, несмотря на их бескорыстную помощь), а потом стабильно дома.

...> Просто старых коллег и бывших друзей, даже если они не считают тебя самым великим ученым, нельзя ставить на одну доску с подонками2.

Впрочем, вряд ли кто будет внимательно читать его интервью. Старики не читают по возрасту, а молодым это вообще не интересно.

Подумаешь, что кто кому когда-то сказал... Плохо только, если какой-то вьюнош поверит, что нужна была смелость для цитирования Ларошфуко и т. п.

С этим ни у кого проблем не возникало. Это так же, как рассказывают, будто в советское время был запрещен русский романс, на который у меня были абонементы в Филармонию. Люди просто не понимают разницы между 1930-ми и 1970-ми.

Жму руку
ИК

Комментарий:

1. Фирсов Борис Максимович, почётный ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор.

2. И.С.Кон продолжает развивать суждение, высказанное в предыдущем письме, см. сноску 2.

И.С. Кон, 26 февраля 2007 года

Боря, на моем сайте этого листа нет1, он новый. Автобио на нем тоже нет.

Почему-то не могу собраться вывесить, а хотел дать даже с фотографиями, кои приготовил. Что-то меня тормозит, думаю: а кому это все нужно, ведь даже на книги рецензий не бывает? Иногда мне и сайт хочется закрыть, хотя там много новых публикаций, которые больше напечатать негде. Но такое чувство, что в Швеции меня читают больше, чем дома.

Недавно встречался, по их просьбе, с представителями международных антиспидовских организаций и фонда Гейтса². Все они были крайне почтительны, даже представители Минздрава и Минобра рассказывали, как они учились по моим книгам. Но учебника "Сексология" (2004) никто не читал, хотя он есть в продаже, и это единственная современная книга по этим сюжетам в России. Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 г., а все, сделанное после этого срока, никому уже не нужно, все сами с усами. <...>

Комментарии:

1 «...на моем сайте этого листа нет» – речь идет о полном листе публикаций И.С. Кона.

2 Фонд Гейтса – Bill & Melinda Gates Foundation.

И.С. Кон, 21 мая 2007 года

Я в этом¹ слабо разбираюсь. Мне кажется, что люди шли к этому разными путями. Одни искали информацию о каких-то текущих процессах, другие (Лазарсфельд) больше интересовались методологией, а у Левады просто не было других источников. Кстати, в ФОМовском журнале мне нравятся методологические статьи Рогозина². Вы его знаете? А вот попытки обсуждать широкие проблемы только на основе опросов не всегда убедительны. Что же до техники, то все наши центры склонны недооценивать а) то, что многие ответы просто стереотипны и б) наличие response set.

Жму руку
ИК

Комментарии:

1. Ответ И.С. Кона на мое сообщение о том, что для журнала «Социальная реальность», который выпускался Фондом «Общественное мнение», я пишу, как исследователи приходили к изучению общественного мнения, в частности, Ю.А. Левада.

2. Рогозин Дмитрий Михайлович, – сотрудник Института социологии РАН, Москва.

И.С. Кон, 7 декабря 2007 года

<...> Я сдал в издательство «Мужчины в меняющемся мире» 1 и до января собираюсь кончить "80 лет одиночества"². Вспоминать можно бесконечно, поэтому я поставил себе

жесткие временные рамки. К тому же у меня есть чувство, что нужно спешить, книга может и не выйти, она довольно жесткая.

Май собираюсь провести в Штатах.

Жму руку
Игорь

Комментарии:

1. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время. 2009.
2. Кон И.С. 80 лет одиночества. М.: Время. 2008

И.С. Кон, 3 марта 2008 года

... Я на этой неделе буду править верстку "80 лет одиночества" (Фирсов прислал полезные замечания, Вы ничего не написали). Потом возьмемся с редакторшей за «Мужчину». «Мальчика»¹ (похоже, что это будет моя лучшая книга) буду кончать, если сумею, летом, по возвращении из Вашингтона, где собираюсь провести май.

Комментарии:

- 2 Кон И. С. Мальчик — отец мужчины — М.: Время. 2009.

И.С. Кон, 3 марта 2008 года

Я его шапошно знал¹, ничего хорошего никогда не слышал. Чтобы писать о нем, нужно поднять философскую дискуссию 1948 г. В чем-то он был скорее продуктом и жертвой, чем инициатором. В Минск он попал, помнится, после скандала с борделем балерин в Минкультуре, писать книгу "Моя половая жизнь в искусстве". В общем, над этой темой надо много работать, а никакого интеллектуального содержания в его книгах нет и никогда не было. Все сочиняли помощники. А поскольку большим начальником он уже не был, никто, кроме штатных подхалимов, его книг не читал. О минском периоде его жизни, вероятно, помнит Вяч. Сем.². Я бы такой шантрапой заниматься не стал.

Вот Францев³ – фигура яркая, и многие его помнят.

<...>Хотя сам я в детстве даже в церкви прислуживал⁴, запах ладана мне до сих пор приятен. Впрочем, чем бы дитя ни тешилось.

Жму руку
ИК

Комментарии:

1. «Я его шапошно знал»: Александров Георгий Федорович (1908-1961), партийный деятель, философ.
2. Вяч. Сем. – Степин Вячеслав Семенович, российский и белорусский философ и организатор науки.
3. Францев Юрий (Георгий) Павлович (1903-1969), партийный деятель, философ, дипломат.
4. «Хотя сам я в детстве даже в церкви прислуживал» – воспоминание И.С.Кона в связи с моим сообщением о том, как было воспринято многими прихожанами ближайшего к нам собора объединения Русской и Зарубежной православных церквей.

И.С. Кон, 8 марта 2008 года

О прагматике дисциплинарных границ

Иногда они устанавливаются по формуле "мухи отдельно, котлеты отдельно".

Когда был введен курс научного коммунизма, никто из приличных и умных людей не принимал его [БД: курс] всерьез, все понимали, что это будет всего лишь комментирование очередных исторических партийных решений.

А я его искренне приветствовал, потому это позволило мне убрать из своего курса истмата почти всю партийную тягомотину и вообще советские реалии – "об этом вам расскажут в курсе научного коммунизма" – и превратить свой курс в более или менее нормальную общую социологию.

При этом я поступал благородно по отношению к коллегам. Поскольку мой курс читался раньше, мне ничего не стоило бы снять все теоретические сливки, оставив на их долю снятое молоко пропаганды, от которой студентов и без них тошнило. Я этого не делал, и коллеги это ценили.

И.С. Кон, 12 марта 2008 года

Подумаем после выхода книги¹. Думаю, что против публикации таких фрагментов издатель возражать не будет, я его спрошу. Он, как и я, заинтересован в продаже книги, а ее ценность, если она таковую имеет, состоит не в этих кусках, а в целом.

Анализировать подобную книгу можно под разными углами зрения:

воспоминания о советском прошлом, насколько они достоверны,

пример формирования личности и ее научных интересов, как абсолютно разнородные интересы ретроспективно оказываются взаимосвязанными,

связь характера научной деятельности и типа личности, и как это рефлексруется,

противоречия саморефлексии: человек говорит об одиночестве и невостребованности, а сам все время находится в центре общественного внимания и не такого уж враждебного; что это – эгоцентризм, завышенный уровень притязаний или что-то более сложное; говорит о склонности уходить из стрессовых ситуаций, а сам постоянно конфликтует и даже заведомо безнадежных дел не бросает,

невозможность объективной истины о субъекте, одна и та же биография может быть одинаково обоснованно выстроена как а) трагедия талантливого человека, которому объективные условия не позволили реализоваться, б) история посредственности, которая именно благодаря отсталой среде максимально реализует свои умеренные способности и добивается реальных успехов, в) история успешного карьериста, который в любых условиях остается на плаву, г) история формирования морального сознания, когда признание вины за старые компромиссы не позволяет делать новые.

Но любой из этих ракурсов достаточно сложен. Серьезных рецензий я не предвижу.

Больше всего будет просто нападок, хотя главный материал для них опубликован много лет назад, шантрапа ничего не читала, а теперь будет возможность.

Успехов!

Игорь

Комментарий

1. Это письмо написано И.С. Коном в ответ на мой вопрос о возможности размещения в сети фрагментов его мемуаров «80 лет одиночества».

И.С. Кон, 27 марта 2008 года

...Но вопросов я не задавал. Эта тема вообще интимная, а тут еще еврейский вопрос: вроде бы я знаю чужую опасную тайну, цените, что я ее не разглашаю.

У меня это общее правило, элемент моего личного морального кодекса и сценария маскулинности. Без крайней необходимости я не задаю людям интимных или неловких вопросов и не обсуждаю их проблем с третьими лицами. Не помню, чтобы мама меня этому учила (больше никто моим эмоциональным воспитанием не занимался). Видимо, это уважение к чужому внутреннему миру – врожденное, как часть собственной закрытости. Исключение составляли мальчишки, которые делились своими проблемами, их надо было расспрашивать. Но просто из любопытства я в чужие души не залезал, бестактные люди вызывают у меня антипатию.

Надо ли об этом писать – тоже не знаю. Никаких препятствий этического порядка сегодня нет. Но нужно исследование. <...> Вероятно, могли бы что-то сказать ленинградские дети

(кажется, у него была дочь) и другие родственники МА1, но как их разыскать? Вряд ли у Вас есть такие возможности.

Чтобы хотя бы предположительно оценить степень возможного влияния на ребенка, надо представить себе всю систему его детских отношений с матерью, отчимом и родным отцом. Нужна большая исследовательская работа. А только ради установления еврейских корней – не уверен, что игра стоит свеч.

Еврейские справочники, где человечество делится на евреев и антисемитов, как и аналогичные геевские издания, я никогда всерьез не воспринимал.

Комментарий

1. Коган Моисей Александрович (1907-1983), историк, отец Юрия Александровича Левады.

И.С. Кон, 31 декабря 2008 года

Дорогой Боря!

Счастливого Нового года, здоровья и бодрости духа. <...>

Я сейчас слегка простужен, поэтому Новый год встречу по свердловскому времени, а потом лягу спать.

А 10 января отошлю издателю "Мальчика".

Жму руку
ИК

И.С. Кон, 25 июля 2009 года

Хорошее письмо¹. США действительно самая легкая страна для адаптации, но это ясно только в сравнении и предполагает наличие соответствующего характера, включая отсутствие завышенных притязаний.

Игорь

Сейчас кончаю подготовку 3-го издания "Клубнички". Грустная получается картина...

Комментарий:

1. Это – реакция И.С.Кона на мое небольшое эссе о вживании русских эмигрантов в американскую действительность.

И.С. Кон, 25 июля 2009 г.

[БД: Вопрос к последней фразе приведенного выше письма: «В чем особая грусть?»]

Для меня сексуальные сюжеты – модель более общих процессов. И ретроспективно совершенно ясно, что реальных шансов стать нормальной страной у России не было.

И.С. Кон, 5 августа, 2009 г.

<...> «Мальчик» очень многих людей затронет за живое и, вероятно, вызовет полемику, хотя книга слишком велика для серьезного разбора. А там есть, что обсуждать, и не только на политическом и педагогическом уровне.

Впрочем, там многое, причем вовсе не мое, для нашего читателя насколько неожиданно, что может отодвинуть мои собственные мысли на задний план, и на это не следует обижаться. Если блюдо вкусно, нужно его есть, а потом уже анализировать рецепты приготовления.

Ваша идея анализа мемуаров с точки зрения того, как социологам не давали работать, интересна. Но надо помнить, что всем другим обществоведам мешали ничуть не меньше. Просто социологию подавали как новую и очень многообещающую науку, какой она на самом деле не была, и свои страдания мы сильно преувеличивали. Многие не состоявшиеся исследования, если бы их не сорвали, ничего интересного родить при при каком раскладе не могли. Просто человек, которого сожгли за идею, навсегда остается мучеником, даже если его [БД: идея] была, по серьезному счету, тривиальной.

В этой связи Вам может быть интересно проглядеть некоторые новые статьи по истории советской медиевистики, в том же журнале. Я это все достаточно хорошо помню и тем не менее открываю в них много нового. Там не было никакой крамолы, а проработки были не слабее, чем у нас.

И насчет мемуаров. Люди, которые в любых условиях что-то делали, предпочитают обсуждать результаты своей работы, а о препятствиях говорят между прочим. А эгоцентрики и те, у кого ничего не вышло, выстраивают историю своей жизни как сплошную историю обид, преследований и оскорблений. Мы вообще склонны лучше помнить обиды, причиненные нам, чем те, которые причинили мы. Это надо помнить при составлении мартирологов. <...>

И.С. Кон, 14 августа 2009 года

<...> А я скоро кончу подготовку 3-го издания "Клубнички". Последний раздел пришлось переписать, в свете уже осуществленной контрреволюции.

Не особенно трудно, смешно, но противно. Продолжать эту тему я явно не буду.

Лучше сделать новый, облегченный вариант "Дружбы".

В этом гадюшнике, как при застое, любая нормальная книга автоматически становится подрывной.

Игорь

И.С. Кон, 29 декабря 2009 года

<...> У Столовича¹ прекрасная память, к тому же он хранил все бумажки, Я, наоборот, ничего не хранил. Ни личных писем, ни документов. У меня нет даже собственных диссертаций и отзывов официальных оппонентов. Правда, память пока хорошая, но иногда бывает жалко, что что-то не сохранилось. Хотя я вряд ли стал бы это перечитывать, а после меня это уж точно никому не потребуется.

Что-то я простудился, а в понедельник у нас будет -20.

Игорь

Комментарий:

1 Столович Леонид Наумович, доктор философских наук, профессор Тартуского университета, Эстония.

И.С. Кон, 10 ноября 2009 года

Хочу похвастаться неожиданной рецензией, которую случайно нашел в Интернете.

Сначала я принял ее за шутку, но эта папа-школа и автор письма реально существуют и мне этого текста никто не присылал. Выходит, кто-то книги все-таки читает.

И.С.Кон, 6 января 2010 года

<...> Сухумский сборник надо смотреть обязательно, чтобы не было "ленинградоцентризма". Советская социология зародилась практически одновременно в нескольких местах и могла иметь разные идейные истоки. Что-то об этом может помнить Шкаратан¹. И, разумеется, Шляп².

Мы все эгоцентрики, истина открывается лишь при сопоставлении.

Игорь

Комментарий:

1. Шкаратан Овсей Ирмович, социолог, профессор Высшей школы экономики, Москва.

2. Шляп – В.Э. Шляпентох.

И.С. Кон, 19 февраля 2010 года

<...> Применительно к нашим наукам нужна не столько оценка объективных результатов, сколько понимание того, что и почему делалось и как это влияло на общество. <...> Наше поколение было весьма и разнообразно социально-активным.

«Мальчик – отец мужчины», несмотря на чудовищный по нынешним временам объем, неожиданно имеет шумный успех. Таких рецензий я никогда не читал. Тираж уже распродан, осталась только электронная версия <...>.

И.С. Кон, 10 декабря 2010 года

Боря,

это очень интересный замысел¹, но сугубо некоммерческий. Никто другой этого делать не станет.

Советская социология в научном плане ничего нового не создала, поэтому ее отцы-основатели представляют ограниченный интерес для потомков. <...> Но это интересный феномен советской культуры.

Однако ситуация была разной в разных городах и социальных средах.

Ну, не мог я понимать литературные процессы так, как мальчики из профессорских семей. Моя мама приобщила меня к хорошей литературе, но Ахматову и Пастернака она не читала.

С другой стороны, на меня не было дома такого давления в партийном духе, какое было в семьях старых партийцев.

То-есть три автономных фактора: 1) поколение, 2) семья и 3) круг общения в студенческие годы.

Для понимания старших очень полезно сегодняшнее интервью Л. Алексеевой на Полит.ру².

Чтобы понять атмосферу философского ф-та, когда там учился Ядов и др., надо прочитать мемуары Столовича. Кто из его однокурсников, которые в дальнейшем стали порядочными людьми, писал на него доносы, он Вам не расскажет (да это и не нужно), но общий климат станет яснее. Можно ему написать, сославшись на меня <...>. Особый ракурс – евреи. С одной стороны, антисемитизм делает их более чувствительными к социальным противоречиям. С другой стороны, там было больше партийных родителей, что способствовало активизму и одновременно побуждало что-то скрывать и быть ортодоксальнее, чем необходимо.

Короче, биографический подход – оптимальный. У Вас это получится.

Комментарии:

1. Ответ И.С. Кона на план задуманной мною книги по истории постхрущевской советской/российской социологии.
2. Беседа с руководителем Московской Хельсинкской группы Л.М. Алексеевой: «Мне повезло находиться в то время и в том месте, где зародилось правозащитное движение». Часть 1. <http://polit.ru/analytics/2009/12/09/pravoz.html>.

Игорь Семенович Кон был человеком, отдавшим всю свою жизнь научным исследованиям. Поэтому можно утверждать, что главное из волновавшего его как ученого, гражданина и личность присутствует в его многочисленных книгах и статьях. Много о себе и людях, дорогих ему, было рассказано им в его мемуарах «80 лет одиночества». Приведенные фрагменты его писем – материал еще более личный, чем названная книга воспоминаний. Отбирая их из множества сохраняемых мною писем, я старался быть максимально внимательным к текстам Кона. Ибо в них – не только факты из его жизни, размышления о прожитом и виденном. Но и трудно передаваемая словами, но очень характерная для Кона искренность общения.

Литература

1. Докторов Б., Столович Л. Игорь Кон. Из переписки // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 3. С. 45-51.
2. Докторов Б. Игорь Кон: «Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 году» // Троицкий вариант. 2011, 7 июня. №11 (80). С. 4. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/kon_doktorov_11.pdf.

**

XXIX. Из переписки Шалина и Алексеева

Включение 99. Д. Шалин – А. Алексееву, Б. Докторову

21.10.2011

Приветствую, Андрей и Борис.

Я вывесил на сайте статью Дмитриевского (URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/dmitrievsky_artist.html) и материалы Докторовы (URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kon_bd_letters.html).

Оба материал очень хороши, и по теме. Хорошо бы Виталий связал свою проблематику – интеллигент и власть, смысл и функции партийности, границы разумного компромисса – с нашей дискуссией. Думаю, ему есть что сказать и по смежным темам МБИ, а взгляд человека со стороны может быть особенно ценным.

Продолжаем работать, Дима

*

21.10.2011

Благодарю, Дима!

Я перешлю Ваше письмо Виталию Дмитриевскому. Даже если он не напишет что-либо «специально» для нашей дискуссии, я думаю, он по ее теме уже содержательно высказался.

По моему опыту, лучше комплектовать протокол сразу – по мере поступления материалов. Если материал В. Д. покажется Вам слишком большим по размеру для дискуссии, как таковой, постарайтесь включить в протокол сетевую ссылку на статью Дмитриевского, хотя бы путем помещения туда нашей с ним переписки, которая тоже «по теме», так что претендует на высказывание в рамках МБИ-форума 2-3.

Вообще, мне кажется, включение крупных материалов, вроде статей Докторова, Фирсова, Алексеева, Шляпентоха, Ваших развернутых комментариев, в протоколы – не во вред им. А чтобы отдельные протоколы не становились слишком многостраничными, можно разбивать дискуссии на части. Например, я вполне допускаю для дискуссии по теме «Биография и биокритика» также МБИ-форумы 2-4 и 2-5.

Ваш – Андрей Алексеев. 22.10.2011. 9:40.

XXX. Отклики на статью Докторова о Коне

Включение 100.

23.10.11

Отклики на статью Б. Докторова «ИГОРЬ КОН: Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ВЕЛИКИМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ ПРОСТО ЗАБЫЛ УМЕРЕТЬ В 1989 ГОДУ (Из переписки с И.С. Коном)

Беспалова Ю.М., 18 октября 2011 г.

Прочитала в свое "окно" о Коне. Действительно, интересно. Хотя очень многие ученые забыли умереть в этом же году, не только Кон. Это к нашим жарким спорам о советском периоде науки... Тогда гнобили, но был интересен, а теперь и гнобят, и неинтересен. Юля.

**

Ленчовский Р.И., 18 октября 2011 г.

Добрый день, Боря! У нас уже час ночи, и скажу пока только одно: твоя переписка с И.С. - потрясающе интересна и нужна в высшей степени!

Хочу добавить, т.к. совсем замотался из-за разных разностей и не успел ещё откликнуться на твою как бы юбилейную статью: она мне очень приглянулась.

О всём другом - несколько позже...

Жму руку!

(Представляешь, как приятно мне было видеть, что и И.С. так прощается, - а я думал, что сам изобрёл! Оно, конечно, "сам" - на своём хуторе...)

И обнимаю!

(Это уже - от Андрея А.)

До связи!

(Пока ни у кого такого прощания не видел, а ведь говорим: "до свидания!" Вот я и подумал, что в сети - это самое подходящее: "до связи!")

Роман

**

Готлиб А.С., 18 октября 2011 г.

Боря, здравствуй. Восхищаюсь и завидую твоей креативности, как сейчас модно говорить. Публикация писем известных людей - жанр, имеющий место в литературе, но в социологии я с этим не сталкивалась. Здесь - ты опять пионер. Очень и очень интересно, тем более, что в этих письмах есть вещи, прямо работающие как на твою пост-Хрущевскую историю советской социологии, так и на методологию ее создания. Повторюсь – очень интересно. Сейчас распечатаю и может быть, смогу кое-что использовать в той статье, которую я готовлю как ответ Шляпентоху. Ты – молодец и умница.

Низкий поклон, Аня.

**

Козлова Л.А., 18 октября 2011 г.

Боря,

я получила удовольствие от чтения текста по письмам Кона. Ты отобрал отрывки так, что получился личностный документ, в котором автор точно и ясно сказал о себе. ИС ответил и на некоторые вопросы, ставшие предметом дискуссии в "незримом колледже".

"Автопортрет", написанный с твоей помощью, показывает человека чести и внутреннего морального кодекса. И, конечно, человек науки. Это в Коне - определяющий стержень. Что бы он нем ни говорили, и как бы ни интерпретировали его поступки и его работы.

Думаю, показать это - и была твоя задача, с которой ты справился прекрасно. И это было очень важно - для будущего...

Лариса

**

Черняков А.А., 18 октября 2011 г.

Боря, с твоей подачи прикоснулся к оголенному проводу истории.

Дернуло. Понравилось. В этих фрагментах переписки Кон открывается как человек редкостно живой, обаятельный и начисто лишенный стереотипов, в том числе и на свой собственный счет. Удивительно честный, трезвый и веселый ум. Ты в конце своего текста назвал атмосферу писем Кона "искренностью общения". Так вот, теперь это искренность общения не только с тобой, но и со мной, лично Кона не знавшим. В общем, хорошее дело ты продолжаешь делать.

Т.

**

Алексеев А.Н., 17 октября 2011 г.

Да, Боря, я заметил это пожелание Володи, но мне показалось, что достаточно тех примечаний, которые есть.

Вообще существуют два способа публикации писем: а) эпистолярная хроника: обмен посланиями, диалог; и б) избранные письма одного лица. Первая форма – моя любимая, но и вторая правомерна.

Работать с письмами – одно удовольствие. Композиция писем – особое искусство. Ты им все более овладеваешь.

Напомню, что нам еще предстоит «издать» (в Сети) наш с Тобой диалог 2007 г. – «В поисках Адресата». Все руки не доходят, и я не спешу. Но эта эпистолярная хроника и документальная композиция практически сверстана. И ждет только твоего со-авторского предисловия. АА. 17.10.2011. 21:50.

**

Алексеев А. Н. 17. октября 2011 г.

Дорогой Борис!

Твой мемуарно-эпистолярный опыт об И. Коне – очень удачен, на мой взгляд. И очень «ко

времени», с учетом «Наших разногласий» В Шляпентоха (и с ним) на МБИ-форуме. Может, это эффект твоей выборки, но И. С., с твоей помощью, исчерпывающе отвечает Шляпу. Думаю, мы все согласны, что это следует скорее туда ставить. Последнее слово – за Димой, как ведущим дискуссии 2

А Кон в своих письмах – прекрасен: мудр и человечен. Урок нам всем.

Андр. Ал. 17.10.2011. 20:45.

**

Шалин Д.Н., 17 октября 2011 г.
Greetings Boria:

You put together an important sample of Igor's letters which will be of interest to many. With this publication, we shall add one more genre to the MBI site. Perhaps we need to add a special section titled "Correspondence" where we can place Igor's letters.

We should think of other materials of this kind that belong there. I am sure we shall have more correspondence, including the letters related to the MBI history, to publish in the future.

All best, Dima

**

Ядов В.А., 17 октября 2011 г.

БОРЯ, Я ПРОЧЕЛ С ИНТЕРЕСОМ. НЕК. ПИСЬМА ИГОРЯ НАДО БЫ ПРЕДВАРИТЬ ПОЯСНЕНИЕМ: В ОТВЕТ НА.....

СЕЙЧАС РАЗМЕСТИТЬ НА НАШЕМ САЙТЕ ВПОЛНЕ УМЕСТНО.
ПРИВЕТ.

ВОЛОДЯ

**

XXXI. Еще – поздравления Шляпентоху

Включение 101.

26.10.2011

В. Ядов – В. Шляпентоху

ДОРОГОЙ ВОЛОДЯ, ОБНИМАЮ ТЕБЯ. НАС, СТАРИКОВ, ОСТАЕТСЯ МЕНЬШЕ,
ЧЕМ УШЕДШИХ.
ПОЭТОМУ МЫ ПЕРЕД НИМИ ОБЯЗАНЫ ДЕРЖАТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО.
NO PASSARAN!
ЛЮБЕ ПРИВЕТ
ВОЛОДЯ

*

26.10.2011

Б. Докторов – В. Ядову, В. Шляпентоху

ДОРОГИЕ ВОЛОДИ.. ВЫ УЖЕ ДЛЯ МЕНЯ – КРОМЕ ВСЕГО ПРОЧЕГО – МОЩНЫЙ
ПРИМЕР ВКЛЮЧЕННОСТИ В ДЕЛА, ОПТИМИЗМА.. БОРЯ

Конец подборки материалов МБИ Форума 2.3